

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное учреждение
высшего образования
«КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. В. П. Астафьева»
(КГПУ им. В. П. Астафьева) Филологический факультет
Кафедра мировой литературы и методики ее преподавания

Коротынская Екатерина Валерьевна

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

ПТИЦА КАК МЕТАПОЭТИЧЕСКИЙ ОБРАЗ: ЦВЕТАЕВА – МАНДЕЛЬШТАМ – БРОДСКИЙ (ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ И МЕТОДИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ)

Направление подготовки 44. 03. 01 Педагогическое образование

Направленность (профиль) образовательной программы Филологическое
образование

ДОПУСКАЮ К ЗАЩИТЕ

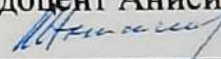
Заведующий кафедрой

канд. филол. наук, доцент Полуэктова Т.А.

07.05.2026

Научный руководитель

доктор филол. наук, доцент Анисимов К.В.

Дата защиты

22.06.2026

Обучающийся

Коротынская Е.В.

Оценка

хорошо

Красноярск, 2026

Содержание

Введение	2
Глава 1. Теоретико-методологические основы исследования метапоэтического образа в поэзии акмеизма и постсимволизма	3
1.1 Метапоэтическая образность как литературоведческая категория (в свете концепций В. И. Тюпы и И. П. Смирнова)	Error! Bookmark not defined.
1.2 Эволюция поэтического слова: от символизма к акмеизму и постсимволизму	6
1.3 Образ птицы в русской поэтической традиции как феномен поэтической имагологии	13
Глава 2. Особенности функционирования образа птицы как метапоэтического в поэзии М.И. Цветаевой, О.Э. Мандельштама и И.А. Бродского ..	Error! Bookmark not defined.
2.1 Образ птицы в поэзии М.И. Цветаевой: метапоэтические функции и семантика.....	19
2.2 Образ птицы в поэзии О.Э. Мандельштама (в контексте поэтики акмеизма)	23
Глава 3. Методический аспект исследования: образ птицы на уроке литературы в 11 классе	Error! Bookmark not defined.
3.1 Образ птицы как метапоэтический феномен в контексте требований ФГОС СОО и школьной программы по литературе	33
3.2 Анализ действующих учебников и УМК: представленность темы в школьной практике.....	36
3.3 Методическая разработка урока «Птица как метапоэтический образ: диалог Цветаевой, Мандельштама и Бродского»	39
Заключение.....	44
Список литературы	49
Приложение 1	52
Приложение 2	58
Приложение 4	60
Приложение 5	61

Приложение 6	62
Приложение 7	64
Приложение 8	65
Приложение 9	66
Приложение 10	67
Приложение 11	68

Введение

Актуальность настоящего исследования определяется возрастающим интересом современного литературоведения к феномену метапоэтической образности как ключевому механизму самоосмысления поэзии в эпоху после символизма. В русской поэзии первой половины XX века и ее позднейших продолжениях слово перестает быть исключительно медиумом трансцендентных, метафизических или религиозных смыслов (как это было у романтиков и символистов) и превращается в ресурс именования всего сущего, в инструмент, направленный на саму поэзию как таковую. Поэзия начинает мыслиться как универсальная парадигма освоения мира, а ее образы – как метапоэтические, то есть рефлексирующие собственный статус, генезис и функции в культуре. Именно в этом контексте особую значимость приобретает образ птицы – один из древнейших и устойчивых в русской поэтической традиции, традиционно связанный с душой, вдохновением, полетом творческой мысли и одновременно с одиночеством, изгнанием и жертвенностью поэта.

Образ птицы как метапоэтический феномен особенно ярко функционирует в творчестве трех ключевых фигур русской поэзии XX века: Марины Ивановны Цветаевой, Осипа Эмильевича Мандельштама и Иосифа Александровича Бродского. Каждый из них представляет определенный этап эволюции поэтического слова: Мандельштам – классический акмеизм с его установкой на «вещность» и культурную память; Цветаева – переходная, пограничная фигура, соединяющая символистские интенции с постсимволистским самосознанием поэзии; Бродский – постсимволистская парадигма, где метапоэтическая рефлексия достигает максимальной остроты и ироничной отстраненности. Не случайно в ряду акмеистов важное место занимает и А. А. Ахматова, чей сборник «Белая стая» (1917) уже содержит в заглавии ярко выраженный метапоэтический образ птицы, объединяющий мотивы стаи, полета, жертвенности и культурной преемственности.

Теоретико-методологической основой работы служат концепции В. И. Тюпы (прежде всего 3-я глава его книги, посвященная аналитике метапоэтической образности как литературоведческой категории) и И.П. Смирнова (4-я глава работы «Художественный смысл и эволюция поэтических систем», где подробно рассматривается постсимволистская парадигма). Согласно этим подходам, акмеизм и постсимволизм радикально трансформируют семантику поэтического слова: оно перестает «обозначать иное» (символистская модель) и начинает работать как самоценный инструмент культурного именования и самоописания поэзии. Именно здесь рождается метапоэтическая образность, позволяющая поэту говорить одновременно о мире и о самом акте говорения.

Объект: метапоэтический аспект поэзии постсимволистского периода.

Предмет: образ птицы как метапоэтический феномен, раскрывающий специфику функционирования поэтического слова у М.И. Цветаевой, О.Э. Мандельштама и И.А. Бродского.

Цель работы – выявить особенности семантики и функций метапоэтического образа птицы в творчестве М. И. Цветаевой, О. Э. Мандельштама и И. А. Бродского и показать, как этот образ отражает эволюцию поэтического сознания от акмеизма к постсимволизму.

Для достижения поставленной цели решаются следующие **задачи**:

1. Рассмотреть формообразующие особенности метапоэтики в контексте теоретических работ В. И. Тюпы и И. П. Смирнова.
2. Проследить эволюцию поэтического слова от символизма к акмеизму и постсимволизму.
3. Охарактеризовать образ русской поэтической традиции как метапоэтический феномен (с обязательным учетом роли А. А. Ахматовой и ее сборника «Белая стая»).
4. Проанализировать метапоэтические функции и семантику образа птицы в поэзии М. И. Цветаевой.
5. Выявить специфику функционирования образа птицы в акмеистической поэтике О. Э. Мандельштама.

6. Проследить трансформацию метапоэтического образа птицы в постсимволистской парадигме поэзии И. А. Бродского (с опорой, в частности, на исследования А. М. Ранчина «О Бродском: Размышления и разборы», 2016, где подчеркивается интертекстуальная и апокалиптическая глубина образов поэта).

7. Разработать методическую модель урока литературы в 11 классе, направленную на изучение метапоэтического образа птицы в творчестве Цветаевой, Мандельштама и Бродского в контексте требований ФГОС СОО.

Методы исследования включают структурно-семантический анализ, интертекстуальный подход, элементы мотивного анализа и герменевтическую интерпретацию, позволяющие раскрыть многослойность метапоэтических смыслов.

Научная новизна работы заключается в комплексном рассмотрении образа птицы именно как метапоэтического сквозного мотива, связывающего трех поэтов разных поколений, а также в обосновании включения Бродского в постсимволистскую парадигму (что требует отдельного теоретического разъяснения в первой главе, учитывая обширную литературу о поэте).

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его результатов в курсах истории русской литературы XX века, спецкурсах по поэтике акмеизма и постсимволизма, а также в подготовке учебных пособий по метапоэтике. Особое значение имеет разработанный в 3-й главе урок литературы для 11 класса, который может быть использован учителями литературы в рамках изучения поэзии XX века на базовом и профильном уровнях.

Структура работы соответствует поставленным задачам и включает введение, три главы (теоретико-методологическую, аналитическую, методологическую), заключение, список использованных источников и приложения.

Глава 1. Теоретико-методологические основы исследования метапоэтического образа в поэзии акмеизма и постсимволизма

1. 1 Метапоэтическая образность как литературоведческая категория (в свете концепций В. И. Тюпы и И. П. Смирнова)

Современная наука о литературе, сосредоточенная на исследовании рефлексивных процессов и метаконгитивных механизмов в сознании автора, выделяет метапоэтическую образность как одну из ключевых теоретических категорий. Эта категория позволяет понять, как поэтический язык осознает самого себя, особенно в переломные моменты истории литературы. Данная категория позволяет анализировать, каким образом автор не просто конструирует образный ряд, но и осмысляет собственный творческий акт, превращая его в объект сложной интерпретационной деятельности. В контексте перехода от символизма к акмеизму и постсимволизму метапоэтическая образность выступает как форма когнитивной реорганизации поэтического сознания, обеспечивая поэту возможность рефлексивного осмысления границ и возможностей языкового самосознания. Такой подход открывает перспективы интеграции литературоведческого анализа с психолого-педагогическими принципами изучения развития метаконгитивных стратегий личности в процессе художественной деятельности. В результате метапоэтическая образность предстает не периферийным стилистическим приемом, а фундаментальным механизмом формирования смыслопостроения в поэтическом тексте.

Метапоэтическая образность как литературоведческая категория определяется через призму процессов смыслообразования, при которых художественный образ одновременно репрезентирует внешнюю и внутреннюю реальность и выполняет функцию метакогнитивного оператора, организующего рефлексию над самим актом поэтического творчества. В этом понимании образ перестает быть исключительно средством изображения и становится инструментом самосознания поэтического слова, позволяющим автору осмыслить его языковую и культурную природу. Подобная двойственная природа образа способствует развитию у читателя интерпретационной деятельности, которая направлена на реконструкцию авторских метакогнитивных стратегий. В отличие от традиционных категорий образности, метапоэтическая образность акцентирует внимание на имманентных законах поэтической речи, превращая текст в пространство рефлексивного диалога между творцом и культурной традицией. Таким образом, категория приобретает статус универсального инструмента анализа самоорганизации художественного дискурса [Штайн, Петренко, 2006, с. 23].

Дальнейшее понимание природы метапоэтической образности связано с восприятием ее как динамического процесса. В его рамках поэтический текст приобретает способность к самоописанию благодаря системе связанных образов, которые создают особую метаязыковую реальность. В этом случае образ перестает быть статичным элементом художественной структуры. Он предстает результатом сложной когнитивной работы автора, направленной на освоение и внутреннее присвоение механизмов смыслообразования. Такой взгляд открывает возможность проследить, каким образом в эпоху кризиса традиционных ценностей поэзия превращается в пространство активной метакогнитивной рефлексии. Здесь автор осмысливает статус самого поэтического слова в широком культурном контексте.

В итоге метапоэтическая образность выступает одним из главных факторов становления новой культурной парадигмы. В ней поэтическое слово начинает осознавать себя как самостоятельный, автономный инструмент освоения действительности. Этот процесс наглядно демонстрирует тесную взаимосвязь литературоведческого анализа с психолого-педагогическими исследованиями, посвященными развитию самосознания в ходе творческой деятельности [Штайн, 2004, с. 67]

В.И. Тюпа рассматривает метапоэтическую образность как ключевой компонент нарративной стратегии, где образ не только несет смысл, но и моделирует сам процесс его порождения, способствуя развитию метакогнитивных способностей воспринимающего субъекта. В этом контексте категория выступает инструментом, обеспечивающим переход от непосредственного эмоционального переживания к рефлексивному осмыслению поэтического акта как такового. Подход исследователя акцентирует внимание на коммуникативной природе метапоэтики, подчеркивая ее роль в формировании интерпретационной деятельности читателя. Подобная трактовка позволяет интегрировать литературоведение с психолого-педагогическими исследованиями механизмов смыслообразования в художественном тексте. В конечном счете, концепция В. И. Тюпы раскрывает метапоэтическую образность как динамический фактор самоорганизации поэтического сознания [Тюпа, 2009, с. 89].

В отличие от акцента на внутритекстовых механизмах, характерного для В. И. Тюпы, И.П. Смирнов трактует метапоэтическую образность как проявление фундаментального сдвига в художественном смысле, связанного с трансформацией культурной парадигмы после символизма. Согласно его позиции, поэтическое слово перестает отсылать исключительно к трансцендентным сущностям и начинает функционировать как ресурс именования самой позиции, что приводит к формированию новой метаконгнитивной реальности текста. И. П. Смирнов подчеркивает историко-литературный характер категории, видя в ней выражение динамики эволюции поэтических систем. Такой подход позволяет рассматривать метапоэтическую образность как процесс освоения культурного опыта, который способствует развитию самосознания поэтического субъекта. В результате концепция И. П. Смирнова раскрывает категорию как центральный элемент формирования постсимволистской парадигмы [Смирнов, 2001, с. 56].

Сопоставляя позиции В. И. Тюпы и И. П. Смирнова, следует отметить, что первый сосредоточен на коммуникативных и рецептивных аспектах метакогниции в рамках отдельного текста, в то время как второй акцентирует историко-культурную динамику категории как фактора эволюции художественного сознания. Оба исследователя, однако, сходятся в признании метапоэтической образности как механизма, обеспечивающего рефлексивное самоосмысление поэзии. Подобное сопоставление позволяет выявить интегративный потенциал категории, объединяющей внутритекстовый и парадигмальный уровни анализа. В итоге сравнение подходов демонстрирует, что метапоэтическая образность выступает универсальным инструментом изучения процессов смыслообразования и самосознания в поэтическом дискурсе [Смирнов, 1977, с. 112].

Обобщение теоретических подходов В. И. Тюпы и И. П. Смирнова позволяет рассматривать метапоэтическую образность не как перефирийный компонент поэтики, а как ее ключевой элемент, определяющий специфику художественного сознания XX века. В данном контексте она обеспечивает переход от мифопоэтических форм мышления к рефлексивному осмыслению искусства, реализуемому через метаконгнитивные механизмы.

Указанная категория носит интегративный характер, объединяя онтологический, гносеологический и аксиологический уровни анализа и тем самым позволяя выявить механизмы присвоения поэтического акта в условиях культурно-исторического кризиса.

Таким образом, рассмотренные теоретические подходы В. И. Тюпы и И. П. Смирнова позволяют определить метапоэтическую образность как ключевой механизм самоосмысления поэзии, объединяющий внутритекстовый и парадигмальный уровни анализа.

1.2 Эволюция поэтического слова: от символизма к акмеизму и постсимволизму

В историко-литературной динамике русской поэзии первой трети XX века эволюция поэтического слова может быть интерпретирована как сложный процесс когнитивной трансформации художественного сознания. Изменение семантических механизмов обуславливает существенную переоценку статуса слова в системе культурных ценностей.

Данный процесс отражает освоение автором новых метакогнитивных стратегий, в рамках которых происходит пересмотр соотношения означающего и означаемого в условиях кризиса устоявшихся парадигм. При этом трансформация поэтического слова не сводится к стилистическим модификациям, а затрагивает более глубокие уровни организации художественного текста. Речь идет о перестройке механизмов смыслообразования, в результате которой слово приобретает рефлексивный характер и начинает функционировать как средство конструирования новой культурной идентичности.

Такой угол зрения открывает возможности для более тесного соединения литературоведческого анализа с психолого-педагогическими исследованиями, посвященными развитию самосознания в творческой деятельности. Особенно явно при этом проявляется роль поэтического слова как фактора когнитивного роста личности. В конечном итоге эволюция поэтического слова выступает ключевым механизмом перехода от мифопоэтического мышления к

рефлексивному самоосмыслению искусства в эпоху масштабных парадигмальных сдвигов [Смирнов, 1977, с. 89].

Символистская парадигма поэтического слова характеризуется его преимущественно трансцендентной направленностью, когда слово функционирует как медиум, отсылающий к метафизическим и религиозным смыслам, лежащим за пределами обыденной реальности. В рамках данной модели слово утрачивает прямую номинативную функцию и превращается в инструмент символизации иного, способствуя освоению автором опыта переживания невыразимого. Рассматриваемая семантическая стратегия активизирует метакогнитивные процессы, ориентированные на установление соответствий между языковой формой и трансцендентным содержанием. Вместе с тем кризис символизма, обозначившийся к 1910-м годам, выявил ограниченность данной модели: поэтическое слово постепенно утрачивает связь с предметной конкретностью и культурной памятью. Это обуславливает необходимость перестройки когнитивных механизмов художественного сознания. Тем самым символистская парадигма не только обнаруживает собственные пределы, но и подготавливает условия для последующих трансформаций, способствуя осмыслению как относительно автономного ресурса художественного мышления [Левин и др., 1974, с. 50].

Переход к акмеизму знаменует собой качественный сдвиг в процессах самообразования. Поэтическое слово возвращается к своей номинативной и культурно-исторической функции, приобретая статус конкретной вещи в ряду иных материальных и духовных феноменов. Акмеистическая модель предполагает внутреннее освоение автором принципа «вещности»: слово утрачивает функцию намека и становится точным инструментом именования мира в его культурной полноте. В этих условиях активизируются метакогнитивные стратегии, направленные на реконструкцию культурной памяти посредством языковых структур, что ведет к формированию типа художественного самосознания. В отличие от символистской неопределенности, акмеизм утверждает слово как устойчивый элемент поэтической системы, способный аккумулировать значительные пласты историко-культурного опыта. Таким образом, акмеизм

выступает важным этапом когнитивной перестройки поэтического сознания и одновременно подготавливает основу для дальнейшего развития метапоэтической рефлексии [Смирнов, 2001, с. 78].

Наиболее последовательно акмеистическая установка реализуется в творчестве О. Э. Мандельштама, где поэтическое слово достигает высокой степени освоения культурной традиции. Оно функционирует как носитель коллективной памяти и средство диалога с предшествующими эпохами. Через систему интертекстуальных связей слово приобретает способность к саморефлексии, выступая в качестве метакогнитивного механизма, который организует осмысление собственного происхождения. Подобная стратегия предполагает активизацию интерпретационной деятельности читателя, ориентированной на реконструкцию культурно-исторического контекста. Тем самым акмеизм формирует предпосылки постсимволистской парадигмы, в которой слово осознается как универсальный инструмент именования и одновременно как участник культурного диалога [Гаспаров, 1993, с. 112].

В поэтике А. А. Ахматовой, тесно связано с акмеистической традицией эволюция поэтического слова получает дополнительное измерение. Освоение индивидуального и коллективного опыта превращает слово в средство фиксации и интерпретации исторической реальности. Сборник «Белая стая» демонстрирует, каким образом слово одновременно выполняет номинативную функцию и рефлексировать над собственным культурным статусом. Такая модель способствует интеграции эмоционального переживания и культурной памяти, усиливая метакогнитивный потенциал поэтического текста. В данном контексте слово выступает инструментом сохранения культурной преемственности, что сближает акмеистическую поэтику с постсимволистским пониманием поэзии как универсального языка культуры. Таким образом, вклад А. А. Ахматовой заключается в утверждении слова как средства самосознания в условиях исторических потрясений [Мусатова, 1992, с. 105].

Согласно концепции И. П. Смирнова, постсимволистская парадигма представляет собой следующий этап эволюции поэтического слова, на котором

оно окончательно закрепляется в качестве универсального ресурса именования, включая и сам акт поэтического творчества. В данной модели слово достигает высокой степени метакогнитивной автономии, позволяя автору рефлексировать как над поэзией в целом, так и над ее функциями в культурном пространстве. Постсимволизм развивает тенденции, намеченные акмеизмом, превращая слово в инструмент формирования новой культурной парадигмы, в рамках которой поэзия осознается как универсальный способ освоения действительности. Углубление процессов смыслообразования проявляется в том, что слово функционирует не только как средство изображения, но и как модель собственного действия, открывая тем самым возможности для анализа метапоэтической обзорности как форсы художественного самосознания [Смирнов, 2001, с. 145]. Сопоставление акмеистической и постсимволистской моделей выявляет их преемственность при одновременном различии в уровне метакогнитивной рефлексии. Если акмеизм акцентирует внимание на «вещности» слова и его культурной укорененности, то постсимволизм развивает данную установку, доводя ее до понимания слова как универсального ресурса, способного именовать саму поэзию. Обе парадигмы способствуют активации интерпритационной деятельности читателя, направленной на реконструкцию авторских стратегий самосознания, и тем самым отражают динамический характер эволюции поэтического слова, где каждый этап соответствует новой ступени присвоения культурного опыта [Ронен, 2002, с. 67].

Обобщая рассмотренные этапы – от символизма через акмеизм к постсимволизму, – можно заключит, что эволюция поэтического слова представляет собой последовательное освоение метакогнитивных стратегий, в ходе которого слово приобретает статус автономного инструмента культурного самоосмысления. Данная динамика отражает переход от трансцендентной отсылки к имманентной рефлексии: слово начинает осознавать себя одновременно как средство универсального именования и как основание метапоэтической образности. В условиях акмеизма и особенно постсимволизма данный процесс сопровождается формированием сложной интертекстуальной сети, в которой каждое слово содержит отсылки к предшествующим поэтическим системам.

Таким образом, эволюция поэтического слова выступает фундаментальным механизмом развития художественного сознания, обеспечивая как преемственность, так и обновление русской поэтической традиции в переходные историко-культурные периоды. Обращение к соответствующим теоретическим концепциям позволяет интерпретировать данный процесс как ключевой фактор формирования метапоэтической парадигмы в творчестве М. И. Цветаевой, О. Э. Мандельштама и И. А. Бродского.

Далее мы переходим к анализу образа птицы, рассматривая его как сквозной метапоэтический феномен в русской поэзии.

1.3 Образ птицы в русской поэтической традиции как феномен поэтической имагологии

В русской поэтической традиции образ птицы выступает одним из наиболее устойчивых и архетипических метапоэтических феноменов, отражающих глубинные процессы освоения автором механизмов творческого самосознания и метакогнитивных стратегий, направленных на осмысление природы поэтического вдохновения, полета мысли, свободы слова и одновременно его жертвенности в культурном пространстве. Данный образ не сводится к простой символизации души или трансцендентного начала, а выполняет функцию динамического оператора смыслообразования, позволяющего поэту моделировать собственный статус как творца в диалоге с предшествующими эпохами и читателем. В

контексте эволюции поэтического слова от символизма к акмеизму и постсимволизму птица обретает особую. Рефлексивную остроту, превращаясь в инструмент самоописания поэзии как универсального ресурса именования мира. Такой подход открывает перспективы интеграции литературоведческого анализа с психолого-педагогическими исследованиями развития метакогнитивных способностей личности в процессе художественной деятельности. В результате образ птицы предстает не периферийным мотивом, а фундаментальным механизмом когнитивной реорганизации художественного сознания, обеспечивающим преемственность и обновление русской поэтической парадигмы [Кожевникова, Петрова, 2000, с. 45].

Исторические корни образа птицы в русской поэтической традиции уходят в мифопоэтическое сознание, где он уже на ранних этапах функционирует как метакогнитивный оператор, организующий рефлексии над границами человеческого и божественного, земного и небесного через мотивы полета как акта трансцендирования обыденности. В фольклорных текстах в древнерусской литературе птица вбирает коллективный опыт переживания невыразимого, становясь моделью творческого акта, в котором слово обретает способность преодолевать материальные ограничения. Подобная семантическая нагрузка способствует развитию метакогнитивных стратегий, позволяющих автору осмыслить собственную роль посредника между мирами и поколениями. В дальнейшем эта традиция эволюционирует, сохраняя потенциал для саморефлексии поэтического сознания в условиях смены культурных парадигм. Таким образом, мифопоэтические истоки образа птицы закладывают основу для его последующих метапоэтических трансформаций, подчеркивая непрерывность процессов смыслообразования в русской литературе [Азбукина, 2006, с. 12].

В эпоху романтизма образ птицы приобретает ярко выраженную метапоэтическую функцию, становясь инструментом освоения автором опыта индивидуального творческого порыва и конфликта с обыденной реальностью, где полет выступает как модель поэтического воображения, преодолевающего границы рационального познания. Здесь птица перестает быть статичным

символом и превращается в динамический элемент, организующий рефлексию над процессом создания текста как акта освобождения от материального и социального. Подобный переход активизирует метакогнитивные процессы, направленные на осмысление границ языка, вдохновения и авторской субъективности. Романтическая традиция тем самым подготавливает почву для символистской интерпретации образа, где он обретает дополнительные слои трансцендентной семантики и рефлексивной глубины. В итоге романтизм утверждает птицу как основной метапоэтический феномен, способствующий когнитивному росту художественного сознания в условиях кризиса классических ценностей [Лушина, 2023, с. 76].

Символистская парадигма углубляет метапоэтические функции образа птицы, превращая его в медиум, отсылающий к невыразимым трансцендентным сущностям, и одновременно в инструмент рефлексии над самим поэтическим словом как символом иного, где полет становится моделью переживания невыразимого. В этом контексте птица способствует освоением автором опыта символизации, моделируя процесс смыслообразования через мотивы жертвы, одиночества и прорыва к высшим реальностям. Подобная двойственная природа образа стимулирует развитие интерпретационных стратегий читателя, направленных на реконструкцию метакогнитивных механизмов символистского сознания. Символизм тем самым подчеркивает роль птицы как фактора когнитивной реорганизации поэтического дискурса, подготавливая переход к акмеистической «вещности» слова. В результате данный этап эволюции закладывает основу для дальнейшего утверждения образа птицы как универсального метапоэтического ресурса [Федотов, 2019, с. 170].

Переход от символизма к акмеизму и постсимволизму внес качественные изменения в метапоэтическую семантику образа птицы. Он перестал быть исключительно трансцендентным символом и превратился в инструмент именования самой поэзии, а также культурной памяти — через конкретную «Вещность и систему интертекстуальных связей».

В акмеистической поэтике образ птицы приобретает статус устойчивого структурного элемента художественной системы, при этом сохраняя способность к рефлексии над собственным генезисом и местом в культурной традиции. Подобная интерпретация способствует активизации метакогнитивных стратегий, направленных на интеграцию индивидуального и коллективного опыта в условиях исторических потрясений. В дальнейшем постсимволистская парадигма развивает данную тенденцию, трансформируя образ в универсальный ресурс художественного самоосмысления. Тем самым переходный этап выявляет динамичность метапоэтической функции образа птицы как механизма обеспечения когнитивной преемственности [Баландина, 2021, с. 10].

Особое значение в русской поэтической традиции имеет сборник А. А. Ахматовой «Белая стая», в котором образ птицы приобретает выраженную метапоэтическую нагрузку. Он объединяет мотивы стаи, полета, жертвенности и культурной преемственности, формируя целостную систему рефлексии поэтического сознания в контексте революционной эпохи. В данной интерпретации птица становится носителем исторического опыта и средством осмысления роли поэта, выступающего одновременно хранителем культурной памяти и фигурой изгнания. Такой подход активизирует метакогнитивные процессы, позволяя автору моделировать собственный статус через символику «белой стаи», в которой сочетаются идеи поэтического братства, одиночества и внутренней устойчивости. В результате данный образ способствует сохранению традиций и соотносится с постсимволистским пониманием поэзии как универсального языка культуры, закрепляя за птицей центральное место в системе метапоэтической образности [Ахматова, 1917, с. 5].

В более широком контексте ахматовской поэтики образ птицы получает дальнейшее развитие, функционируя как метакогнитивный механизм, организующий рефлекссию над самим процессом творчества в условиях исторической действительности. Мотивы полета и стаи приобретают двойственную семантику, одновременно обозначая свободу вдохновения и жертву, необходимую для сохранения культурной идентичности. Через данный образ

осуществляется присвоение травматического исторического опыта, вследствие чего он становится моделью поэтического самосознания, способного сохранять устойчивость в условиях внешнего давления. Подобная трактовка стимулирует интерпретационную активность читателя, которая ориентирована на реконструкцию глубинных механизмов авторской рефлексии. Тем самым Ахматова существенно расширяет традицию, закрепляя за образом птицы функцию медиатора между прошлым и будущим и подчеркивая его значение в сохранении метапоэтической преемственности [Мусатова, 1992, с. 105].

В акмеистической поэтике О. Э. Мандельштама образ птицы приобретает черты культурной «вещности», сохраняя при этом способность к метапоэтическому самоописанию. Он включается в систему интертекстуальных связей и функционирует как носитель культурной памяти. Мотив полета в данном случае интерпретируется как модель диалога с предшествующими эпохами, а сама птица становится средством освоения коллективного опыта и рефлексии над актом именования мира. Такой подход активизирует метакогнитивные стратегии, направленные на реконструкцию историко-культурного контекста, и доводит акмеистический принцип «вещности» до предельной степени. В результате мандельштамовская трактовка закрепляет образ птицы в качестве одного из ключевых элементов метапоэтической образности русской поэзии XX века, одновременно подготавливая основания для его дальнейшего развития в постсимволистской парадигме [Ронен, 2002, с. 134].

В постсимволистской парадигме, особенно в творчестве И. А. Бродского, образ птицы претерпевает значительную трансформацию. Он становится универсальным метапоэтическим ресурсом, который позволяет осуществлять рефлексию над экзистенциальным статусом поэзии в условиях изгнания и культурного разрыва. Мотивы полета и одиночества моделируют здесь процесс творческого преодоления пустоты и небытия. Этот образ способствует внутреннему освоению автором опыта времени и пространства, превращаясь в инструмент самоосмысления языка как последнего прибежища смысла. Подобная трактовка активизирует метакогнитивные стратегии читателя, направленные на

реконструкцию интертекстуальных и апокалиптических слоев. Постсимволизм тем самым завершает эволюцию образа птицы, утверждая его как высшую форму художественного самосознания. В итоге вся традиция образа птицы демонстрирует свою способность к постоянной когнитивной реорганизации в русской поэзии [Верина, 2019, с. 198].

Обобщая роль образа птицы в русской поэтической традиции как метапоэтического феномена, можно утверждать, что данный образ представляет собой сквозной механизм освоения метакогнитивных стратегий, обеспечивающий переход от трансцендентной символизации к рефлексивному самоосмыслению поэзии как универсального языка культуры в контексте акмеизма и постсимволизма. Эволюция образа отражает динамику художественного сознания, где птица выступает одновременно символом полета и жертвы, свободы и памяти, способствуя формированию сложной интертекстуальной сети.

В следующей главе образ птицы будет проанализирован на материале поэзии М. И. Цветаевой, О. Э. Мандельштама и И. А. Бродского, что позволит выявить его метапоэтические функции на разных этапах эволюции поэтического слова.

Глава 2. Особенности функционирования образа птицы как метапоэтического в поэзии М.И. Цветаевой, О.Э. Мандельштама и И.А. Бродского

2.1 Образ птицы в поэзии М.И. Цветаевой: метапоэтические функции и семантика

В поэзии М.И. Цветаевой образ птицы выступает одним из наиболее устойчивых и многослойных метапоэтических феноменов, позволяющих проследить, каким образом лирический субъект осмысляет собственный творческий акт, превращая полет в модель поэтического вдохновения, изгнания и одновременно самопожертвования в условиях перехода от символистской парадигмы к постсимволистской. Данный образ не ограничивается традиционной символизацией души или трансцендентного порыва, а приобретает функцию

динамического метакогнитивного оператора, организующего рефлексию над статусом поэтического слова как автономного ресурса именования мира и собственного «я». В контексте цветаевской поэтики птица становится зеркалом авторского сознания, где мотивы крыльев, стаи и падения раскрывают напряженный диалог между свободой творчества и исторической обреченностью. Такой подход подчеркивает переходный характер цветаевской лирики, в которой метапоэтическая образность интегрирует символистскую «инаковость» слова с акмеистической «вещностью» и постсимволистской рефлексией над поэзией как таковой. В результате образ птицы предстает не статичным мотивом, а ключевым механизмом когнитивной реорганизации художественного сознания, обеспечивающим преемственность и обновление русской поэтической традиции [Цветаева, 1994, с. 156].

Семантика образа птицы в раннем творчестве М.И. Цветаевой тесно связана с романтической и символистской традициями. Здесь птица внутренне осваивает опыт лирического «я» – существа, обреченного на полет над обыденностью и одновременно на неизбежное падение в мир материального. Благодаря этому автор получает возможность моделировать процесс поэтического творчества как постоянное преодоление земных ограничений.

Птица выступает в роли *alter ego* поэта. Она воплощает одновременно восторг вдохновения и трагедию одиночества. Такая двойственность способствует развитию метакогнитивных стратегий, направленных на осмысление границ языка и субъективности.

Мотивы лебедя, феникса и стаи вбирают опыт разрыва с родиной, превращая полет в метафору поэтического выживания и сохранения голоса в условиях культурного разрыва. Здесь птица выполняет метапоэтическую функцию самоописания поэзии как акта постоянного возрождения из пепла, что способствует формированию новой метакогнитивной реальности текста. Подобный сдвиг подчеркивает переходный характер цветаевской поэтики, где акмеистическая «вещность» сочетается с постсимволистской рефлексией над языком как последним прибежищем смысла. В итоге образ птицы в эмигрантский

период раскрывает глубинные механизмы авторского самосознания, направленные на интеграцию личной трагедии в культурной преемственности [Цветаева, 1994, с. 234].

Метапоэтические функции образа птицы в лирике М. И. Цветаевой проявляются прежде всего в его способности к саморефлексии поэтического акта. Птица моделирует процесс творчества как полет, одновременно свободный и обреченный, что позволяет автору осмыслить слово как инструмент преодоления времени и пространства. В этом контексте птица выступает не только представителем лирического субъекта, но и метакогнитивным оператором, организующим диалог между текстом и культурной традицией через систему интертекстуальных связей с Пушкиным, Блоком и акмеистами. Подобная рефлексивная насыщенность образа стимулирует развитие у читателя интерпретационных стратегий, направленных на реконструкцию авторской логики смыслообразования [Тюпа, 2009, с. 112].

Образ птицы в поэзии Цветаевой служит не только аллегорией, а своего рода «зеркалом», отражающим суть поэтического творчества. В стихотворении «Имя твое – птица в руке...» (1916), посвященном Блоку, птица становится метапоэтическим образом, исследующим природу поэтического имени. Первая строка, «Имя твоё — птица в руке», мастерски передает двойственность поэтического слова: оно одновременно реально, как птица в ладони, и эфемерно, готовое ускользнуть. Это метафора творчества, где слово находится под контролем автора, но при этом обладает собственной волей. Краткость произнесения имени («одно-единственное движение губ») подчеркивает внезапность и мимолетность творческого порыва. Таким образом, уже в ранних произведениях Цветаевой птица становится важным элементом для осмысления слова, предвещая постсимволистские тенденции в поэзии.

Особую выразительность метапоэтическая семантика образа птицы приобретает в тех текстах М. И. Цветаевой, где он функционирует одновременно как знак поэтической жертвы и утверждения творческой силы. В этих случаях

образ соотносится с опытом самопожертвования, необходимого для сохранения авторского голоса в условиях исторических потрясений.

Птица здесь выступает моделью поэтического «я», находящегося в состоянии непрерывного движения – между взлетом и падением. Подобная динамика актуализирует сложные метакогнитивные стратегии, направленные на осмысление границ между жизненным опытом и художественным творчеством. В результате возникает органического соединения индивидуально-биографического материала с универсальными культурными архетипами. Образ приобретает функцию средства самоописания поэзии как процесса постоянного обновления.

Тем самым М. И. Цветаева существенно расширяет потенциал русской поэтической традиции, закрепляя за образом птицы статус подвижного и функционально нагруженного элемента. Он обеспечивает преемственность между символистской и постсимволистской поэтикой, выступая медиатором между различными этапами развития художественного сознания. В данном контексте образ птицы может рассматриваться как один из значимых факторов когнитивной трансформации поэтического мышления в переходную эпоху [Смирнов, 2001, с. 167].

Анализ конкретных текстов М.И. Цветаевой показывает, что образ птицы функционирует как интертекстуальный метапоэтический оператор, связывающий лирику поэтессы с акмеистической традицией Ахматовой и Мандельштама, где мотив стаи или одинокой птицы рефлексировал над проблемой культурной преемственности и одиночества творца. В этом контексте птица обретает способность к самоописанию поэтического дискурса, превращаясь в модель диалога с предшественниками и потомками. Подобная интертекстуальная насыщенность активизирует метакогнитивные процессы читательского восприятия, приглашая к многоуровневой реконструкции смыслов. Цветаева использует данный образ для утверждения поэзии как пространства, где слово осознает себя как автономный ресурс культурного именования. В результате интертекстуальная функция птицы подчеркивает ее роль в формировании

постсимволистской парадигмы, где метапоэтическая образность достигает максимальной остроты [Левин и др., 1974, с. 78].

Сопоставление семантики образа птицы в поэзии М.И. Цветаевой с теоретическими концепциями В.И. Тюпы и И.П. Смирнова выявляет ее высокий метапоэтический потенциал. Она осваивает опыт изгнания и возвращения к истокам творчества. Мотивы феникса и одинокой птицы моделируют здесь процесс возрождения слова из пепла забвения. Это способствует развитию сложных метакогнитивных стратегий, направленных на осмысление экзистенциального статуса поэта.

М. И. Цветаева использует данный образ, чтобы утвердить поэзию как последнее прибежище смысла в мире, лишенном традиционных ценностей. Такая трактовка подчеркивает постсимволистский характер ее лирики, где метапоэтическая образность выходит на центральное место в художественном сознании. В результате поздний период цветаевской поэтики раскрывает предельную глубину семантики образа птицы как инструмента культурного самоосмысления [Цветаева, 1994, с. 312].

Обобщая анализ образа птицы в поэзии М. И. Цветаевой, можно утверждать, что данный феномен представляет собой сквозной метапоэтический механизм, обеспечивающий переход от символистской трансцендентности к постсимволистской рефлексии над поэзией как универсальным языком культуры. Семантика и функции образа раскрывают специфику цветаевской поэтики как переходной, где птица интегрирует мотивы полета, жертвы, изгнания и возрождения в единую систему само-рефлексии творческого акта. Это позволяет рассматривать Цветаеву в едином ряду с Мандельштамом и Бродским как фигуру, чье творчество обогащает общую логику эволюции русской поэзии XX века.

В следующем параграфе будет рассмотрено функционирование образа птицы в акмеистической поэтике О. Э Мандельштама, где данный образ приобретает черты культурной «вещности».

2.2 Образ птицы в поэзии О. Э Мандельштама (в контексте поэтики акмеизма)

Образ птицы в поэзии О. Э. Мандельштама функционирует как один из центральных метапоэтических элементов акмеистической системы, где он органично соотносится с принципами «вещности» и культурной памяти; этот образ действует как динамический механизм, организующий рефлексию над статусом поэтического слова, понимаемого как конкретная и осязаемая ценность среди культурных реалий.

Птица у Мандельштама существенно выходит за пределы традиционной символики души или вдохновения. Она описывает сам поэтический акт, моделируя именование мира через мотивы полета, возвращения и утраты, а в контексте акмеистической поэтики способствует когнитивной перестройке художественного сознания, позволяя осмыслить слово как устойчивый структурный элемент, аккумулирующий и передающий историко-культурный опыт.

Мандельштамовская поэтика ясно выделяется на фоне символистской расплывчатости, где птица утверждала трансцендентную «инаковость», и закладывает основу для постсимволистской рефлексии в поздних текстах. Образ птицы обеспечивает преемственность между личным творческим опытом и коллективной культурной традицией [Ронен, 2002, с. 134].

В раннем акмеистическом периоде семантика этого образа тесно связана с принципом «вещности»: ласточка, соловей или иная птица осваивает опыт конкретного, осязаемого присутствия в мире и рефлексировать над рождением и забвением поэтического слова. Птица действует как *alter ego* поэта, воплощая полет как акт точного именования и возвращение как память о культурных истоках.

Двойственная природа образа активизирует стратегии восстановления интертекстуальных связей с античностью и русской классикой. Акмеистическая «вещность» позволяет уйти от символистской абстракции: птица становится устойчивым элементом поэтической системы, и каждый взмах крыльев порождает новый смысл. Ранний этап мандельштамовской поэтики закрепляет этот образ как

фундаментальный инструмент, через который акмеистическое слово осмысляет само себя [Мандельштам, 1990, с. 78].

В сборнике «Камень» и более поздних акмеистических текстах птица становится метапоэтическим образом: через нее моделируется творчество как обретение слова, казавшегося навсегда потерянным. Ласточка в этой образной системе связывает забвение с возрождением культурной памяти, превращаясь в посредника между исчезнувшим и вновь найденным смыслом.

Стихотворение Мандельштама «Ласточка» (1920) демонстрирует, как в акмеистической поэтике образ птицы превращается в инструмент исследования природы поэтического слова. Ласточка здесь выступает ключевой метафорой, через которую поэт погружается в размышления о языке, и первая строка («Я слово позабыл, что я хотел сказать») сразу обозначает центральную тему: утрату слова и его последующий поиск. Ласточка олицетворяет само это забытое слово: «Слепая ласточка в чертог теней вернется / На крыльях срезанных, с прозрачными играть». Образ птицы с обрезанными крыльями символизирует неполноценность слова, утратившего первоначальную целостность и не способного вернуться к изначальному смыслу. Мотив возвращения («вернется», «в чертог теней») перекликается с античной мифологией, с образами Антигоны и Стигийской нежности, что подчеркивает характерную для акмеизма установку на взаимодействие с культурной традицией. Ласточка предстает в двойственном состоянии: она живая и мертвая («то мертвой ласточкой бросается к ногам»), что отражает амбивалентную природу поэтического слова. Слово умирает в момент произнесения, но обретает бессмертие в культурной памяти. Мандельштам выстраивает развернутую метапоэтическую конструкцию, где образ птицы служит средством осмысления процессов творчества, забвения и обретения смысла.

Птица вбирает опыт лирического субъекта, выступающего носителем коллективного культурного наследия, и тем самым активизирует метакогнитивные стратегии соединения индивидуального с историческим. Такая трактовка отражает акмеистическую установку на диалог с предшествующими культурными

эпохами. Образ птицы функционирует здесь как медиатор между прошлым и настоящим.

У Мандельштама этот образ утверждает поэзию как пространство точного именования, где слово становится культурной «вещью» с собственной устойчивостью и значимостью. Семантика птицы раскрывает механизмы когнитивной преемственности, которые лежат в основе акмеистического художественного мышления [Левин и др., 1974, с. 34].

Образ птицы в поэзии О. Э. Мандельштама выполняет метапоэтические функции через способность к саморефлексии над поэтическим словом, моделируя акт творчества как полет, который одновременно свободен и глубоко обусловлен культурной традицией; птица здесь выступает представителем лирического субъекта и вместе с тем метакогнитивным оператором, организующим интертекстуальный диалог с античными и европейскими источниками.

Рефлексивная насыщенность образа побуждает читателя развивать интерпретационные стратегии, реконструировать авторскую логику смыслообразования. Мандельштам превращает птицу в инструмент утверждения акмеистической парадигмы, в которой поэзия осознает себя ресурсом универсального именования мира. Метапоэтическая функция образа обнажает связь между акмеистической «вещностью» и культурной памятью [Гаспаров, 1993, с. 112].

Особую остроту метапоэтическая семантика приобретает в текстах, где птица символизирует культурную преемственность и трагедию забвения, осваивая опыт поэта как хранителя традиции в условиях исторического разрыва; она становится моделью поэтического «я», обреченного на постоянный поиск утраченного слова. Такая двойственность образа стимулирует осмысление границ между жизнью и искусством, формирует сложные метакогнитивные стратегии восприятия текста.

Мандельштам обращается к образу птицы, утверждая акмеистическую поэзию как особое пространство, в котором слово обретает автономию и становится самостоятельным ресурсом культурного именования.

Интертекстуальная функция этого образа раскрывает его значение для становления акмеистической парадигмы, понимаемой как переходная ступень к постсимволизму [Левин и др., 1974, с. 67].

Сопоставление семантики птицы в поэзии Мандельштама с теоретическими построениями В.И. Тюпы и И.П. Смирнова обнаруживает высокий метапоэтический потенциал этого образа, который служит инструментом саморефлексии поэтического слова в акмеистическом контексте. Тюпа сосредотачивается на коммуникативных аспектах метапоэтики, тогда как Смирнов выявляет историко-культурную динамику и показывает, что птица превращается в ресурс «вещного» именования. Мандельштам соединяет обе перспективы, и образ птицы в его поэзии становится моделью освоения культурного опыта вместе с формированием авторского самосознания. Такое сопоставление позволяет увидеть интегративный характер акмеистической поэтики: метапоэтическая образность связывает личное и коллективное, индивидуальный голос поэта и культурную традицию. Образ птицы у Мандельштама выступает универсальным метакогнитивным оператором, через который раскрываются механизмы самоорганизации художественного дискурса в акмеизме [Смирнов, 2001, с. 145].

В поздних текстах Мандельштама, особенно воронежского периода, метапоэтические функции птичьего образа достигают наивысшей точки: птица окончательно становится символом поэзии как сопротивления забвению и пустоте, воплощая опыт изгнания и обращения к истокам культурной памяти. Ласточка и одинокая птица моделируют здесь возрождение слова из пепла исторической катастрофы, что порождает сложные метакогнитивные стратегии осмысления экзистенциального статуса поэта в акмеистической традиции. Образ птицы утверждает поэзию последним прибежищем смысла в мире тоталитарного разрыва, подчеркивая переходность поздней поэтики Мандельштама, где акмеистическая «вещность» перерастает в постсимволистскую рефлексия. Поздний период обнаруживает предельную глубину семантики птицы как инструмента культурного самоосмысления [Мандельштам, 1990, с. 289].

Анализ образа птицы в поэзии О. Э. Мандельштама позволяет говорить о нем как о сквозном метапоэтическом механизме акмеистической поэтики, обеспечивающем переход от символистской трансцендентности к постсимволистской рефлексии над поэзией в качестве универсального языка культуры. Семантика и функции этого образа раскрывают специфику мандельштамовского творчества, акмеистического по своей сути: птица интегрирует мотивы полета, возвращения, памяти и забвения в единую систему саморефлексии творческого акта.

В следующем параграфе будет прослежена трансформация метапоэтического образа птицы в постсимволистской парадигме поэзии И. А. Бродского, где данный образ приобретает черты экзистенциального преодоления пустоты.

2.3 Трансформация метапоэтического образа птицы в поэзии И. А. Бродского (постсимволистская парадигма)

Образ птицы в поэзии И. А. Бродского претерпевает радикальную трансформацию: он становится одним из ключевых метапоэтических феноменов постсимволистской парадигмы, внутренне осваивающим опыт изгнания, культурного разрыва и экзистенциальной пустоты, и превращается в динамический метакогнитивный оператор, который организует рефлекссию над статусом поэтического слова как последнего прибежища смысла в мире без традиционных ценностей.

Птица перестает быть символом полета или души в том значении, какое закрепило за ней в акмеистической традиции. Она приобретает функцию самоописания поэзии как акта сопротивления времени и пространству, моделирует процесс творчества как полет над небытием. Постсимволистский контекст позволяет этому образу интегрировать мотивы одиночества, холода и апокалипсиса, способствуя развитию сложных метакогнитивных стратегий осмысления языка как универсального ресурса именования мира; такой подход отличает поэтику Бродского от цветаевской жертвенности и мандельштамовской

«вещности», утверждая птицу в качестве инструмента постсимволистской рефлексии над поэзией как таковой [Ранчин, 2016, с. 112].

В раннем творчестве Бродского образ птицы еще сохраняет очевидную связь с акмеистической традицией Мандельштама и Ахматовой, поэт осваивает мотивы полета как проявление культурной памяти, однако уже на этом этапе проступают постсимволистские черты. Птица начинает размышлять о собственном месте в мире изгнания и культурного разрыва, становится alter ego лирического субъекта, одновременно воплощая свободу творчества и неизбежное одиночество.

Двойственность образа активизирует метакогнитивные стратегии читателя, направленные на восстановление интертекстуальных связей с литературными предшественниками, и эта же двойственность усиливает интерпретационную работу, превращая поэзию в особое пространство, где слово осознает себя автономной силой, способной противостоять небытию. Бродский обращается к птичьему мотиву для утверждения постсимволистской парадигмы: птица моделирует творческий процесс как преодоление пространственно-временных границ. Ранний этап поэтики закладывает основу для последующего усложнения метапоэтических функций образа, который постепенно приобретает статус универсального инструмента смыслообразования в условиях культурного кризиса [Бродский, 1992, с. 443].

В зрелом периоде семантика птицы существенно трансформируется. Птица утрачивает статичность символа, становясь конкретной «вещью» экзистенциального опыта; она вбирает мотивы холода, севера, апокалипсиса и превращает их в модель творческого преодоления пустоты. В стихотворении «Полярный исследователь» птица присутствует имплицитно, через образы замерзания и полета над небытием, символизируя акт письма как сопротивление смерти и забвению.

Стихотворение Иосифа Бродского «Осенний крик ястреба» (1975) демонстрирует постсимволистскую трансформацию птичьего образа с особой отчетливостью. Ястреб здесь утрачивает свою простую природную сущность и превращается в метапоэтического двойника поэта-изгнанника, в фигуру

отчужденного творца. Полет птицы открывается описанием ветра, возносящего ее над живописной коннектикутской долиной, и это парение над землей, эта отделенность от нее воплощают положение поэта, который существует «над» миром, но миру не принадлежит. Строка «На воздушном потоке распластанный, одинок» звучит мотивом изоляции. Ястреб видит лишь «гряды покатых холмов и серебра реки» – ограниченность его обзора отражает творческий акт как созидание смысла из пустоты, как обретение формы там, где ее прежде не было.

Птичий крик достигает апогея в описании, лишаящем его всякой естественности: «механический, нестерпимый звук, звук стали, впившейся в алюминий». Звук «не предназначен ни для чьих ушей» и оттого лишен адресата – так поэтическое слово в эпоху культурного разрыва оказывается произнесенным, но не услышанным. Финал стихотворения возносит птицу «в зенит, в ультрамарин», а ее крик уподобляется «разбивающейся посуде, фамильному хрусталу». Образ разбитого хрусталя несет в себе тоску по утраченной культурной целостности, по акмеистической «вещности», восстановить которую уже невозможно. Бродский выстраивает развернутую метапоэтическую модель: птица становится инструментом размышления об одиночестве поэта, об утрате культурной преемственности, о способности языка противостоять экзистенциальной пустоте.

Образ птицы запускает метакогнитивные стратегии, через которые язык осмысливается как последнее убежище смысла в мире, подверженном энтропии. От цветаевской жертвенности трактовка Бродского отличается радикально: птица здесь превращается в инструмент саморефлексии поэзии, находящейся в ситуации изгнания. Семантика этого образа в зрелом творчестве обнажает механизмы когнитивной перестройки художественного сознания, поскольку постсимволизм доводит акмеистическую «вещность» до предела рефлексии над самим актом именования [Ахапкин, 2002, с. 11].

Метапоэтические функции образа птицы у Бродского проступают в способности поэтического слова к саморефлексии: птица моделирует творчество как полет над временем и пространством, свободный и обреченный на падение в

пустоту. Она репрезентирует лирического субъекта и одновременно выступает метакогнитивным оператором, организующим интертекстуальный диалог с Мандельштамом, Ахматовой, всей мировой традицией.

Рефлексивная насыщенность образа побуждает читателя выстраивать интерпретационные стратегии, направленные на реконструкцию авторской логики смыслообразования в постсимволистской парадигме. Бродский использует птицу для утверждения поэзии как универсального ресурса именования мира, где каждый взмах крыльев соответствует рождению нового смысла посреди культурного разрыва. Метапоэтическая функция образа в конечном счете обнаруживает связь между личным изгнанием поэта и общекультурным контекстом его эпохи [Лотман, 2001, с. 89].

Метапоэтическая семантика птицы обретает особую остроту там, где образ становится знаком экзистенциального одиночества и вместе с тем торжества языка над небытием. Птица вбирает опыт поэта-хранителя традиции, существующего в условиях тотального культурного разрыва, и превращается в модель поэтического «я», обреченного на непрерывный полет над пустотой. Отсюда вырастают сложные метакогнитивные стратегии, нацеленные на осмысление границ между жизнью, смертью и искусством. Бродский соединяет личный биографический опыт с универсальными архетипами постсимволизма, обогащая тем самым русскую традицию: птица утверждается как динамический элемент, связующий акмеистическую память и постсимволистскую рефлексию. Семантика образа раскрывает его роль в когнитивной реорганизации художественного сознания поздней русской поэзии [Баландина, 2021, с. 15].

Анализ конкретных текстов показывает, что птица функционирует как интертекстуальный метапоэтический оператор, связывающий лирику Бродского с поэтикой Мандельштама и Цветаевой. Мотивы ястреба, ласточки, полярной птицы рефлексиируют над проблемами культурной памяти, изгнания, творческого преодоления. А этом контексте птица приобретает способность к самоописанию поэтического дискурса и превращается в модель диалога с предшественниками. Она преодолевает временные границы.

Такая интертекстуальная насыщенность активизирует метакогнитивные процессы читательского восприятия и приглашает к многоуровневой реконструкции смыслов. Бродский использует данный образ, чтобы утвердить постсимволистскую поэзию, как пространство, где слово осознает себя автономным ресурсом противостояния энтропии. В итоге интертекстуальная функция птицы подчеркивает ее роль в формировании постсимволистской парадигмы как завершающего этапа эволюции русской поэзии XX века [Бетеа, 2015, с. 145].

Сопоставление семантики образа птицы у Бродского с теоретическими концепциями В. И. Тюпы и И. П. Смирнова выявляет ее высокий метапоэтический потенциал как инструмента саморефлексии поэтического слова в постсимволистском контексте.

В позднем творчестве метапоэтические функции образа достигают своей вершины. Птица окончательно превращается в символ поэзии как акта постоянного преодоления небытия и холода. Она осваивает опыт времени как энтропии, а языка – как последнего полета. Образы ястреба, ласточки, полярной птицы моделируют творчество как возрождение смысла от пустоты. Это стимулирует развитие сложных метакогнитивных стратегий, направленных на осмысление экзистенциального статуса поэта в постсимволистской традиции.

Поэзия в трактовке Бродского становится универсальным ресурсом именования мира, способным функционировать в условиях постмодернистского разрыва между словом и реальностью. Такое понимание акцентирует завершающий характер его поэтики: акмеистическая память о вещи и цветаевская жертвенность переплавляются здесь в постсимволистскую рефлексия, направленную на язык как таковой. Поздний период творчества обнаруживает предельную глубину семантики образа птицы, который превращается в инструмент культурного самоосмысления русской поэзии XX века [Полухина, 2008, с. 203].

Трансформация метапоэтического образа птицы у Бродского, если обобщить проведенный анализ, знаменует завершающий этап эволюции от акмеистической

«вещности» к постсимволистской рефлексии над поэзией, понятой как универсальный язык культуры. Семантика и функции образа раскрывают специфику поэтики Бродского: птица интегрирует мотивы полета, изгнания, холода и возрождения в единую систему саморефлексии творческого акта, и эта интеграция позволяет рассматривать Бродского в едином ряду с Цветаевой и Мандельштамом. Творчество трех поэтов синтезирует и завершает общую логику развития русской поэзии XX века; метапоэтическая образность у Бродского достигает максимальной остроты, превращая птицу в ключевой инструмент осмысления статуса поэтического слова перед лицом культурного и экзистенциального кризиса.

Проведенный анализ метапоэтического образа птицы в поэзии Цветаевой, Мандельштама и Бродского выявляет эволюцию поэтического сознания от акмеизма к постсимволизму. Методическая разработка урока, представленная в следующей главе, продемонстрирует возможности использования полученных результатов в школьной практике.

Глава 3. Методический аспект исследования: образ птицы на уроке литературы в 11 классе

3.1 Образ птицы как метапоэтический феномен в контексте требований ФГОС СОО и школьной программы по литературе

Изучение лирики в старшей школе традиционно создает методические трудности, обусловленные высокой образной плотностью поэтического текста и его метафоричностью; вместе с тем от учащихся требуется актуализировать навыки интерпретации, заложенные еще в основной школе. Федеральный государственный образовательный стандарт среднего общего образования,

утвержденный приказом Министерства образования и науки РФ № 413 от 17.05.2012 г. и действующий в редакции от 27.12.2023, ориентирует изучение литературы на базовом уровне на знакомство с вершинными произведениями русской и мировой литературы, на формирование умений самостоятельно анализировать и интерпретировать художественный текст, выявлять сквозные темы и образы, устанавливать межтекстовые связи, осмысливать литературу как особую форму освоения культурной традиции (п. 9.2 ФГОС СОО). Тема метапоэтического образа в контексте этих требований приобретает для школьного курса особую актуальность.

Федеральная рабочая программа среднего общего образования (базовый уровень) по литературе, одобренная решением Федерального учебно-методического объединения по общему образованию (протокол от 12.02.2023), включает творчество М. И. Цветаевой, О. Э. Мандельштама и И. А. Бродского в качестве ключевых фигур русской поэзии XX века. Раздел «Литература XX века» для 11 класса предусматривает изучение стихотворений Цветаевой, Мандельштама и Бродского (по каждому автору – не менее трех произведений по выбору). Согласно предметным результатам освоения программы, у учащихся должны сформироваться умения определять и учитывать историко-культурный контекст и контекст творчества писателя при анализе художественных произведений, способность выявлять в произведениях художественной литературы образы, темы, идеи и проблемы, а также умение сопоставлять произведения русской и зарубежной литературы [ФРП СОО, 2023, с. 17–18].

Анализ календарно-тематических планирований и учебно-методических комплексов показывает, что этих авторов обычно рассматривают изолированно друг от друга. Цветаева появляется в контексте поэзии русского зарубежья, Мандельштам представлен как акмеист, Бродский фигурирует преимущественно в связи с Нобелевской премией и статусом «поэта-изгнанника». Типовые методические разработки не предусматривают сопоставительного анализа их поэтических систем; выявление сквозных метапоэтических образов, объединяющих творчество всех троих, тем более остается за пределами школьной

программы. Образовавшаяся методическая лакуна и определяет актуальность предлагаемой разработки.

Метапоэтический образ, рассмотренный в теоретической части настоящего исследования (Глава 1), представляет собой особый тип художественной образности: поэтическое слово обращается к собственному статусу, к природе творчества и функциям поэзии в культуре. Для школьного анализа понятие допускает более доступную формулировку – образ, в котором поэт размышляет о своем ремесле, о том, что означает быть поэтом, о силе и хрупкости поэтического слова. Образ птицы в этом отношении оказывается особенно благодатным материалом для уроков литературы в одиннадцатом классе. Он узнаваем и визуально представим, обладает устойчивой культурной семантикой (душа, полет, свобода, изгнание) и позволяет проследить эволюцию авторского сознания при переходе от акмеизма к постсимволизму.

Требования ФГОС СОО к метапредметным результатам обосновывают обращение к данному образу в школьной практике. Стандарт предусматривает овладение навыками учебно-исследовательской, проектной и социальной деятельности, способность применять их в познавательной и социальной практике, а также владение навыками познавательной рефлексии, понимаемой как осознание совершаемых действий и мыслительных процессов (п. 8 ФГОС СОО). Работа с метапоэтическим образом птицы активизирует именно рефлексивные механизмы: ученик определяет значение образа в стихотворении, осознает способы его конструирования поэтом, размышляет о целях автора и связи образа с проблемой сущности поэзии. Предлагаемая методическая модель органично вписывается в системно-деятельностный подход, составляющий методологическую основу ФГОС СОО (п. 4 Стандарта).

Изучение образа птицы как метапоэтического формирует предметные умения, закрепленные во ФГОС СОО и ФРП: анализировать произведение в единстве формы и содержания, выявлять особенности языка художественного текста, сопоставлять произведения, их фрагменты, образы персонажей, сюжеты, темы, проблемы, жанры и художественные приемы [ФРП СОО, 2023, с. 18].

Работа с метапоэтическим образом развивает навык медленного чтения (close reading), при котором за внешним сюжетом или описанием открывается рефлексивный план текста.

Личностный аспект занимает особое положение в образовательном процессе. ФГОС СОО определяет личностные результаты через формирование эстетического отношения к миру, охватывающего эстетику быта, научного и технического творчества, спорта, труда и общественных отношений, а также через развитие способности воспринимать различные виды искусства, традиции и творчество своего и других народов, ощущать эмоциональное воздействие искусства (п. 7.1). Работа с метапоэтикой открывает старшеклассникам возможность осмыслить сущность творчества и место художника в мире, погрузиться в драматизм поэтических судеб XX века с их эмиграцией, изгнанием, забвением и сопротивлением пустоте. Подобные темы оказываются созвучны возрастным особенностям обучающихся шестнадцати-семнадцати лет, которые находятся в стадии формирования мировоззрения и поиска собственной идентичности.

Предлагаемый урок занимает определенное место в системе изучения литературы одиннадцатого класса: он проводится как обобщающий и завершающий после рассмотрения творческого пути каждого из трех поэтов в отдельности, что соответствует тематическому планированию ФРП (ФРП СОО, 2023, с. 49–84). Урок позволяет систематизировать полученные знания и выявить диалог между поэтами разных поколений. Продолжительность составляет один академический час (45 минут) для базового уровня, как предусмотрено ФРП при трех часах в неделю в одиннадцатом классе, или два часа (90 минут) для профильного уровня.

3.2 Анализ действующих учебников и УМК: представленность темы в школьной практике

Для выявления существующих методических подходов к изучению поэзии М. И. Цветаевой, О. Э. Мандельштама и И. А. Бродского на уроках литературы в 11 классе был проведён анализ учебника, включённого в Федеральный перечень и

широко используемого в школьной практике, — «Русская литература XX века. 11 класс» под редакцией В. П. Журавлёва (М.: Просвещение). Выбор этого УМК обусловлен его распространённостью в образовательных организациях России и соответствием требованиям Федерального государственного образовательного стандарта среднего общего образования.

Творчество Цветаевой представлено в учебнике отдельным содержательным разделом с подробной биографией поэта, анализом ключевых стихотворений и поэтических сборников (среди них «Вечерний альбом», «Волшебный фонарь», «Версты»), обзором прозаического наследия и размышлений автора о природе поэтического творчества. Тематическое членение раздела охватывает несколько направлений: назначение поэта, тема России, диалог Цветаевой с пушкинской традицией, особенности ее прозы. Раздел завершается развернутым блоком вопросов и заданий, среди которых:

- ✓ «Какие классические традиции вы можете обнаружить в творчестве М. И. Цветаевой?».
- ✓ «Что вы можете сказать о «фольклорных» поэмах М. И. Цветаевой, о роли устного народного творчества в ее поэтической работе?»
- ✓ «В чем состояла творческая близость М. Цветаевой к В. Маяковскому? Б. Пастернаку?».
- ✓ «Определите общую линию эволюции М. Цветаевой, начиная от первых книг, учитывая ее слова, что процесс ее творчества «не знал переломов», что он «древнейший и речной». Правы ли вы?»
- ✓ «Охарактеризуйте роль музыкального начала в творчестве М. Цветаевой».

Кроме того, в учебнике предлагаются темы сочинений («Тема России в поэзии М. Цветаевой», «Образ лирического героя в стихотворениях М. Цветаевой», «Тема поэта и поэзии в лирике Марины Цветаевой»), темы рефератов («Марина Цветаева и Валерий Брюсов», «И. Бродский о Марине Цветаевой»), а также коллективный проект по мемуарной прозе Цветаевой.

Анализ раздела об О. Э. Мандельштаме. Раздел включает биографию поэта, анализ раннего творчества (сборник «Камень»), обзор книг «Tristia» и «Воронежские тетради», а также развёрнутый анализ стихотворений разных периодов. Особое внимание уделено взаимоотношениям поэта и времени, теме «века-волкодава», трагической судьбе Мандельштама. В учебнике представлена система вопросов и заданий:

- ✓ «В чём смысл столь частого обращения поэта к явлениям мировой культуры? Назовите их и прокомментируйте.»
- ✓ «Каковы стилистические особенности стиха Мандельштама? Покажите на примере 2—3 стихотворений.»
- ✓ «Как характеризует Мандельштам место и роль поэта в современной действительности?»
- ✓ «Каковы особенности композиции „Стихов о неизвестном солдате“?»
- ✓ «Чем объясняется трагизм судьбы поэта?»
- ✓ «В чём особенности образной системы ранних стихов Мандельштама? Назовите встречающиеся здесь детали вещного мира и объясните смысл их появления.»

Также предлагаются творческие задания: написать эссе о восприятии лирики Мандельштама, отрецензировать книгу стихов «Камень», оценить влияние его творчества на современную поэзию, провести урок-конференцию «Место и роль лирики Мандельштама в русской поэзии XX века».

Раздел о Бродском открывается биографическим очерком, который охватывает рождение в Ленинграде, ссылку, эмиграцию и Нобелевскую премию. Далее следует анализ стихотворения «На смерть Жукова», размышления о поэтике автора, его связи с классической традицией. Особое внимание уделяется роли темы пространства и изгнанничества в художественном мире поэта. Раздел снабжен системой вопросов и заданий:

- ✓ «Как опыт изгнанничества сформировал поэтическое мироощущение Бродского?»
- ✓ «Почему тема пространства становится столь важной в его поэзии?»

- ✓ «Что меняется в стихах Бродского с тех пор, как он посвящал их Урании? Кто она?»
- ✓ «Что имел в виду поэт, говоря, что он „заражён нормальным классицизмом“?»
- ✓ «Согласны ли вы с тем, что Бродскому суждено было завершить многое в традиции русской поэзии? Чему именно он подводит итог, что решительным образом меняет?»
- ✓ «Считаете ли вы, что популярность — безусловный знак внутреннего достоинства поэзии или, наоборот, знак того, что она поступает своими ценностями?» (с рекомендацией подготовиться к дискуссионному обсуждению)

Анализ показывает: учебник под редакцией В. П. Журавлева представляет творчество Цветаевой, Мандельштама и Бродского содержательно, с продуманным методическим обеспечением. Каждому поэту отведен отдельный раздел, включающий подробный биографический очерк, аналитический материал, систему вопросов и заданий. Такая структура помогает ученикам понять ключевые темы лирики, особенности поэтики каждого автора, историко-литературный контекст его творчества.

Однако необходимо отметить, что задания на сопоставительный анализ трех поэтов в учебнике отсутствуют. Сквозной метапоэтический образ птицы, объединяющий творчество Цветаевой, Мандельштама и Бродского и позволяющий проследить эволюцию поэтического сознания от акмеизма к постсимволизму, не выделяется в качестве предмета социального изучения. Это создает методическую лакуну, которую призвана восполнить предлагаемая в следующем параграфе разработка урока, направленная на формирование у обучающихся навыков интертекстуального анализа и выявления сквозных образов в лирике разных авторов.

3.3 Методическая разработка урока «Птица как метапоэтический образ: диалог Цветаевой, Мандельштама и Бродского»

Данная методическая разработка представляет собой урок литературы в 11 классе (базовый или профильный уровень) и ставит своей задачей сформировать у учащихся целостное понимание метапоэтического образа птицы – сквозного мотива, который объединяет творчество трех ключевых поэтов XX века. Урок можно провести как обобщающее занятие после отдельного изучения творчества каждого из этих авторов или же организовать его в формате бинарного урока (литература + русский язык) в рамках раздела «Анализ лирического текста».

Предметные цели: сформировать у обучающихся понятие о метапоэтическом образе; выявить особенности функционирования образа птицы в лирике Цветаевой, Мандельштама и Бродского; показать эволюцию этого образа от акмеизма к постсимволизму.

Метапредметные цели: развивать навыки сопоставительного анализа лирических текстов, умения работать в группе, формулировать и аргументировать собственную позицию, осуществлять рефлексию собственной учебной деятельности.

Личностные цели: воспитывать ценностное отношение к поэзии как форме осмысления мира, формировать эстетический вкус, развивать способность к эмпатии и рефлексии через сопереживание поэтическому слову.

Задачи урока:

1. Актуализировать знания обучающихся об акмеизме и постсимволизме, о метапоэтической образности.
2. Организовать групповую работу по анализу стихотворений Цветаевой («Имя твоё — птица в руке...»), Мандельштама («Ласточка») и Бродского («Осенний крик ястреба»).
3. Свести результаты групповой работы в общую таблицу, выявив сходства и различия в функционировании образа птицы.

4. Подвести обучающихся к выводу об эволюции поэтического сознания – от цветаевской жертвенности и культурной памяти как характерной приметы мира Мандельштама к экзистенциальной рефлексии в духе Бродского.
5. Организовать рефлексия, направленную на осознание обучающимися собственного понимания метапоэтики.

Групповая форма работы выбрана потому, что три поэтики необходимо сопоставить одновременно. Каждая группа получает «своего» поэта, и это дает возможность погрузиться в специфику конкретного образа; при презентации результатов складывается общая картина. Подобный подход воплощает принципы системно-деятельностного обучения: ученик перестает быть пассивным реципиентом и становится активным интерпретатором текста.

Для анализа ключевых фрагментов стихотворений используется метод «медленного чтения» (close reading), благодаря которому учащиеся самостоятельно «открывают» метапоэтический подтекст. Проблемный вопрос о том, почему именно птица становится главным метапоэтическим образом у трех разных поэтов, запускает исследовательскую деятельность и поддерживает познавательный интерес на протяжении всего урока.

Технологическая карта (Приложение 3), предполагающая фиксацию результатов в таблице, помогает обучающимся осваивать регулятивные универсальные учебные действия – планирование, контроль и оценку собственной деятельности. На рефлексивном этапе ученики составляют синквейн, что развивает их метакогнитивные способности: они осознают, каким образом анализировали материал и какие выводы сформулировали.

Ход урока

1. Организационный момент (2 минуты)

Учитель приветствует учащихся, проверяет готовность к уроку. Для создания эмоционального настроения можно включить аудиозапись — например, фрагмент «Осеннего крика ястреба» Бродского в авторском исполнении или звуки природы (пение птиц, шум ветра). Мотивационный вопрос: *«Почему, как вы*

думаете, образ птицы так часто встречается в стихах о поэзии?» Учащиеся высказывают первые ассоциации (свобода, полёт, душа, вдохновение, изгнание).

Методический комментарий: начальный этап важен для «запуска» личного смысла: учащиеся фиксируют собственное понимание образа до начала анализа, что позволит затем сравнить его с выводами, полученными в ходе работы.

2. Актуализация знаний (5–7 минут)

Учитель проводит фронтальный опрос (или небольшую самостоятельную работу) по ключевым понятиям: акмеизм, постсимволизм, метапоэтический образ. Примерные вопросы см. в Приложении 2.

Методический комментарий: повторение теоретического материала необходимо для перехода к анализу на качественно новом уровне — уровне выявления метапоэтического подтекста.

3. Целеполагание (3 минуты)

Учитель совместно с учащимися формулирует цель урока через проблемный вопрос: *«Почему три разных поэта — Цветаева, Мандельштам и Бродский — обращаются к одному и тому же образу птицы? Что меняется в этом образе от поэта к поэту?»* Учащиеся предлагают свои формулировки цели (ожидаемые варианты см. в Приложении 3).

Методический комментарий: включение учащихся в целеполагание повышает их ответственность за результат и формирует регулятивные УУД.

4. Основной этап — работа в группах (15–20 минут)

Класс делится на три группы (по 4–5 человек). Каждая группа получает пакет материалов (Приложение 4): текст стихотворения своего поэта, вопросы для анализа, таблицу для фиксации результатов.

Учащиеся работают с текстом, заполняют таблицу, готовят выступление на 3–4 минуты.

Методический комментарий: групповая работа развивает коммуникативные УУД — умение договариваться, распределять роли, слушать друг друга, приходить к общему решению. Вопросы (Приложение 5)

сформулированы так, чтобы направить внимание учащихся на метапоэтический подтекст, но не давать готовых ответов.

5. Презентация результатов групп (10–12 минут)

Каждая группа представляет результаты своего анализа. Учитель фиксирует ключевые выводы на доске (или в общей презентации), заполняя сводную таблицу. Ожидаемые ответы групп представлены в Приложении 6.

Методический комментарий: важно, чтобы все учащиеся в ходе презентаций заполнили сводную таблицу (Приложение 7), которая станет основой для итогового вывода.

6. Обобщение и выводы (5–7 минут)

Учитель организует обсуждение сводной таблицы и помогает учащимся сформулировать главный вывод.

Направляющие вопросы для обсуждения:

1. *В чём сходство образа птицы у трёх поэтов?*
2. *В чём принципиальное различие?*
3. *Как меняется представление о роли поэта от Цветаевой к Бродскому?*

Общий вывод (формулируют учащиеся): Образ птицы у трёх поэтов отражает эволюцию поэтического сознания XX века: от веры в силу и хрупкость слова (Цветаева) через осознание слова как культурной памяти и диалога с традицией (Мандельштам) к экзистенциальной рефлексии над одиночеством поэта и невозможностью полноценной коммуникации (Бродский).

Методический комментарий: на этом этапе важно не навязывать учащимся «правильный» вывод, а помочь им самим сформулировать обобщение на основе собственных наблюдений.

7. Рефлексия (5–7 минут)

Учащимся предлагается написать синквейн (схему см. в Приложении 8) на тему «Метапоэтический образ птицы» или продолжить фразу: «*Сегодня на уроке я понял(а), что образ птицы — это...*»

Учитель собирает синквейны (или заслушивает 2–3 варианта) для оценки понимания темы. Также можно провести устную рефлексию: «*Что было самым трудным? Что открыли для себя нового? Где могут пригодиться эти знания?*»

Методический комментарий: синквейн как форма рефлексии позволяет учащимся сжать и обобщить полученные знания, а учителю — оценить глубину понимания.

2. Домашнее задание (на выбор): задания представлены в Приложении 9.

Критерии оценивания представлены в Приложении 10.

Ожидаемые результаты и возможные ответы учеников

Предметные результаты: учащиеся научатся выявлять метапоэтический подтекст в лирических произведениях, сопоставлять образы разных авторов, аргументировать свою интерпретацию с опорой на текст.

Метапредметные результаты: учащиеся получают опыт групповой исследовательской работы, публичной презентации результатов, рефлексивного осмысления собственной учебной деятельности.

Личностные результаты: учащиеся осознают ценность поэзии как форме осмысления мира, сформируют более глубокое понимание драматизма судьбы поэта в XX веке.

Возможные затруднения и способы их преодоления представлены в Приложении 11

Заключение

Исследование достигло поставленной цели: выявлены особенности семантики и функций метапоэтического образа птицы в творчестве М. И. Цветаевой, О. Э. Мандельштама и И. А. Бродского, продемонстрировано, каким образом этот образ воплощает эволюцию поэтического сознания от акмеизма к постсимволизму. Задачи решались последовательно: метапоэтическая образность рассмотрена как литературоведческая категория в контексте концепций В. И. Тюпы и И. П. Смирнова, прослежено движение поэтического слова от символизма через акмеизм к постсимволизму, охарактеризован образ птицы в русской поэтической традиции с учетом роли А. А. Ахматовой и ее сборника

«Белая стая», проанализированы метапоэтические функции и семантика образа в индивидуальных поэтиках трех авторов, разработана методическая модель урока литературы для 11 класса.

Теоретико-методологическая база первой главы позволила обосновать тезис о том, что метапоэтическая образность представляет собой фундаментальный механизм когнитивной реорганизации художественного сознания, а вовсе не периферийный стилистический прием. Она функционирует как динамический метакогнитивный оператор, организующий рефлекссию над актом творчества, над природой поэтического слова и его культурной ролью. Эволюция поэтического слова прослежена как закономерный процесс освоения метакогнитивных стратегий: от трансцендентной инаковости символизма к акмеистической вечности и далее к постсимволистскому пониманию поэзии как универсального ресурса именования всего сущего. Образ птицы в русской поэтической традиции обоснован в качестве сквозного метапоэтического феномена, эволюционировавшего от мифопоэтического символа души и полета через романтизм и символизм к акмеистическому и постсимволистскому инструменту самоописания поэзии. Сборник А. А. Ахматовой «Белая стая» занимает в этой традиции особое место, поскольку птица здесь уже выступает объединяющим метапоэтическим образом стаи, жертвы и культурной преемственности.

Вторая глава показала конкретное преломление этих теоретических положений в индивидуальных поэтиках. У Цветаевой птица выступает переходным метапоэтическим феноменом, который сплетает символистскую трансцендентность с акмеистической предметностью и постсимволистской рефлексией; этот образ моделирует творческий акт как полет, одновременно свободный и обреченный на падение, вбирая в себя мотивы жертвы, изгнания, триумфа поэтического голоса. Пограничный характер ее лирики проступает именно здесь: птица связывает личную биографическую трагедию с универсальными культурными архетипами. Мандельштам работает с образом иначе. Ласточка у него воплощает классическую акмеистическую парадигму, превращаясь в конкретную культурную «вещь», осваивающую принципы точного

именования и коллективной памяти. Творчество предстает возвращением утраченного слова, диалогом с предшествующими эпохами, а устойчивость поэтического высказывания утверждается через систему культурных ценностей. И. А. Бродский подвергает этот образ наиболее радикальной трансформации. Птица становится универсальным метапоэтическим ресурсом, моделирующим поэтическое творчество как полет над экзистенциальной пустотой, холодом, приближающимся апокалипсисом; она осваивает опыт изгнания, культурного разрыва и в конечном счете превращается в инструмент саморефлексии языка, который оказывается последним прибежищем смысла в мире, подверженном энтропии.

В третьей главе обоснована возможность использования полученных литературоведческих результатов в школьной практике. Анализ действующего учебника под редакцией В. П. Журавлёва показал, что задания на сопоставительный анализ трёх поэтов и на выявление сквозного метапоэтического образа птицы в нём отсутствуют. Предложенная методическая разработка урока восполняет этот пробел и позволяет реализовать требования ФГОС СОО в части формирования метапредметных результатов (сравнение, интерпретация, рефлексия). Разработанный урок может быть использован учителями литературы на базовом и профильном уровнях.

Сопоставительный анализ трёх поэтов выявил закономерную логику трансформации метапоэтического образа птицы: от переходной цветаевской модели, где птица воплощает жертву и возрождение, через акмеистическую «вещность» Мандельштама, акцентирующую культурную память, к постсимволистской рефлексии Бродского, где птица моделирует преодоление пустоты языком. Каждый из поэтов использует образ как инструмент самоописания поэзии, однако степень и характер рефлексии различаются в соответствии с этапом эволюции поэтического слова. Цветаева подчёркивает личностно-жертвенный аспект, Мандельштам — культурно-преемственный, Бродский — экзистенциально-языковой. В совокупности их творчество иллюстрирует, как метапоэтическая образность становится универсальным

механизмом самоосмысления искусства в XX веке. Таким образом, образ птицы выступает сквозным метапоэтическим феноменом, связывающим индивидуальные поэтики в единую систему, отражающую общую логику развития русской поэзии после 1910 года.

Научная новизна исследования заключается в комплексном рассмотрении образа птицы именно как метапоэтического сквозного мотива, связывающего трёх поэтов разных поколений и поэтических систем в едином контексте акмеистической и постсимволистской парадигм. Впервые образ птицы проанализирован как динамический метакогнитивный оператор, раскрывающий механизмы саморефлексии поэтического слова на всём протяжении эволюции от символизма к постсимволизму. Работа также обосновывает включение Бродского в постсимволистскую парадигму через призму метапоэтической образности, что расширяет существующие интерпретации его поэтики.

Практическая значимость результатов исследования состоит в возможности их использования в курсах истории русской литературы XX века (вузовских и школьных), спецкурсах по поэтике акмеизма и постсимволизма, а также в подготовке учебных пособий и методических материалов по метапоэтике. Разработанный урок литературы для 11 класса может быть рекомендован учителям-словесникам в рамках изучения поэзии XX века на базовом и профильном уровнях. Перспективы дальнейших исследований связаны с расширением материала за счёт включения других поэтов переходного периода (например, Г. Иванова, В. Ходасевича или поздней А. А. Ахматовой), а также с сопоставительным анализом образа птицы в русской и западноевропейской поэзии XX века. Перспективным представляется также изучение метапоэтических трансформаций других архетипических образов (моря, камня, зеркала) в контексте тех же поэтических парадигм. Таким образом, настоящее исследование подтвердило, что образ птицы как метапоэтический феномен является ключевым инструментом, раскрывающим специфику эволюции поэтического сознания от символистской «инаковости» слова к акмеистическому и постсимволистскому самосознанию поэзии как универсального ресурса именования мира. Через этот

образ поэзия Цветаевой, Мандельштама и Бродского осознаёт себя как автономную сферу культурного производства смыслов, обеспечивая непрерывность и обновление русской поэтической традиции в условиях радикальных исторических и культурных трансформаций XX века. Полученные результаты открывают новые горизонты для понимания механизмов саморефлексии искусства в переходные эпохи и подтверждают высокую актуальность метапоэтического подхода в современном литературоведении.

Список литературы

1. Азбукина А. В. От знака к символу (особенности символизации образа птицы в поэзии конца XVIII – начала XIX века) // Ученые записки Казанского государственного университета. — 2006. — Т. 148, кн. 3. — С. 5–15.
2. Ахапкин Д. Н. «Полярный исследователь» Иосифа Бродского: текст и подтекст // Как работает стихотворение Бродского. — М.: Новое литературное обозрение, 2002.
3. Ахматова А. А. Белая стая: стихотворения. — Петроград: Прометей, 1917. — 80 с.
4. Баландина И. А. Орнитологические образы Иосифа Бродского // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2021. — № 69. — С. 5–20.
5. Бетеа Д. Иосиф Бродский: сотворение изгнания. — М.: Новое литературное обозрение, 2015. (Пер. с англ.)
6. Бродский И. А. Сочинения: в 4 т. / сост. и подгот. Г. Ф. Комаров. — СПб.: Пушкинский фонд, 1992–1995.
7. Бройтман С. Н. Поэтика русской классической и неклассической лирики. — М.: РГГУ, 2008.
8. Верина У. Ю. Птица в «страшном мире» Геннадия Гора // Птица как образ, символ, концепт в литературе, культуре и языке: коллективная монография / отв. ред. А. И. Смирнова. — М.: Книгодел; МГПУ, 2019. — С. 198–206.
9. Гаспаров М. Л. Избранные труды: в 3 т. Т. 2: О стихах. — М.: Языки русской культуры, 1997.
10. Гаспаров М. Л. Поэтика серебряного века // Русская поэзия серебряного века: антология. — М.: Наука, 1993.
11. Журавлёв В. П. (ред.). Русская литература XX века. 11 класс : учебник. — М.: Просвещение, 2020.

12. Институт стратегии развития образования. Федеральная рабочая программа среднего общего образования. Литература (базовый уровень). — Москва, 2023.
13. Кожевникова Н. А., Петрова З. Ю. Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв. Вып. 1: Птицы. — М.: Языки славянской культуры, 2000.
14. Кудрова И. В. Путь комет: жизнь Марины Цветаевой. — СПб.: Вита Нова, 2013.
15. Левин Ю. И. и др. Русская семантическая поэтика как потенциальная культурная парадигма // Russian Literature. — 1974. — Vol. 7/8.
16. Лекманов О. А. Осип Мандельштам : жизнь и творчество. — М.: Молодая гвардия, 2009.
17. Лосев Л. В. Иосиф Бродский : опыт литературной биографии. — М.: Молодая гвардия, 2006.
18. Лотман М. Ю. О поэзии Иосифа Бродского // Лотман М. Ю. О поэтах и поэзии. — СПб.: Искусство-СПб, 2001.
19. Лушина А. В. Символический образ птицы в русской поэзии // Королевские чтения: материалы конференции. — Самара, 2023. — С. 75–76.
20. Мандельштам О. Э. Сочинения: в 2 т. / сост. и коммент. С. С. Аверинцева, П. М. Нерлера. — М.: Художественная литература, 1990.
21. Мусатова В. В. К проблеме анализа лирической системы Анны Ахматовой // Царственное слово: Ахматовские чтения. Вып. 1. — М.: Наследие, 1992. — С. 103–110.
22. Полухина В. Поэтика Иосифа Бродского. — М.: Изд-во РГГУ, 2006.
23. Ранчин А. М. О Бродском: размышления и разборы. — М.: Водолей, 2016. — 248 с.
24. Ронен О. Поэтика Осипа Мандельштама. — СПб.: Гиперион, 2002.
25. Саакянц А. А. Марина Цветаева: жизнь и творчество. — М.: Эллис Лак, 1999.
26. Силантьев И. В. Поэтика мотива. — М.: Языки славянской культуры, 2004.

- 27.Смирнов И. П. Смысл как таковой. — СПб.: Академический проект, 2001.
- 28.Смирнов И. П. Художественный смысл и эволюция поэтических систем. — М.: Наука, 1977.
- 29.Тюпа В. И. Анализ художественного текста: учеб. пособие. 3-е изд. — М.: Академия, 2009.
- 30.Федотов О. И. Ласточка как мифологема души (интертекстуальные связи «Ласточек» Ходасевича) // Птица как образ, символ, концепт в литературе, культуре и языке : коллективная монография / отв. ред. А. И. Смирнова. — М.: Книгодел; МГПУ, 2019. — С. 165–180.
- 31.Федеральный государственный образовательный стандарт среднего общего образования: утверждён приказом Министерства образования и науки РФ № 413 от 17.05.2012 (в ред. от 27.12.2023). — Москва, 2012.
- 32.Цветаева М. И. Собрание сочинений: в 7 т. / сост., подгот. текста и коммент. А. А. Саакянц, Л. А. Мнухина. — М.: Эллис Лак, 1994–1995.
- 33.Штайн К. Э. (ред.). Три века русской метапоэтики: легитимация дискурса: в 2 ч. — Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002–2004.
- 34.Штайн К. Э., Петренко Д. И. Русская метапоэтика: учебный словарь. — Ставрополь: Изд-во СГУ, 2006.

Приложение 1

Тексты анализируемых стихотворений

1. М. И. Цветаева

«Имя твоё — птица в руке...» (из цикла «Стихи к Блоку», 1916)

Имя твоё — птица в руке,
 Имя твоё — льдинка на языке.
 Одно-единственное движение губ.
 Имя твоё — пять букв.
 Мячик, пойманный на лету,
 Серебряный бубенец во рту.
 Камень, кинутый в тихий пруд,
 Сдвинет ровно столько, сколько нужно,
 Чтобы он достиг дна.
 Имя твоё — птица в руке,
 Имя твоё — льдинка на языке.
 Одно-единственное движение губ.
 Имя твоё — пять букв.

2. О. Э. Мандельштам

«Ласточка» (1920)

Я слово позабыл, что я хотел сказать.
 Слепая ласточка в чертог теней вернётся
 На крыльях срезанных, с прозрачными играть.
 В беспамятстве ночная песнь поётся.
 Не слышно птиц. Бессмертник не цветёт,
 Прозрачны гривы табуна ночного,
 В сухой реке пустой челнок плывёт,
 Среди кузнечиков беспамятствует слово.
 И медленно растёт как бы шатёр иль храм,
 То вдруг прикинется безумной Антигоной,

То мёртвой ласточкой бросается к ногам
 С стигийской нежностью и веткою зелёной.
 О, если бы вернуть и зрячих пальцев стыд,
 И выпуклую радость узнавания.
 Я так боюсь рыдания Аонид,
 Тумана, звона и зиянья.
 А смертным власть дана любить и узнавать,
 Для них и звук в персты прольётся,
 Но я забыл, что я хочу сказать,
 И мысль бесплотная в чертог теней вернётся.
 Всё не о том прозрачная твердит,
 Всё ласточка, подружка, Антигона...
 А на губах, как чёрный лёд, горит
 Стигийского воспоминанья звона.

3. И. А. Бродский

«Осенний крик ястреба» (1975)

Северо-западный ветер его поднимает над
 сизой, лиловой, пунцовой, алой
 долиной Коннектикута. Он уже
 не видит лакомый променад
 курицы по двору обветшалай
 фермы, суслика на меже.
 На воздушном потоке распластанный, одинок,
 всё, что он видит — гряды покатых
 холмов и серебро реки,
 вьющейся точно живой клинок,
 сталь в зазубринах перекатов,
 схожие с бисером городки
 Новой Англии. Упавшие до нуля
 термометры — словно лары в нише;

стынут, обуздывая пожар
листьев, шпили церквей. Но для
ястреба это не церкви. Выше
лучших помыслов прихожан,
он парит в голубом океане, сомкнувши клюв,
с прижатою к животу плюсною
— когти в кулак, точно пальцы рук —
чуя каждым пером поддув
снизу, сверкая в ответ главною
ягодую, держа на Юг,
к Рио-Гранде, в дельту, в распаренную толпу
буков, прячущих в мощной пене
травы, чьи лезвия остры,
гнездо, разбитую скорлупу
в алую крапинку, запах, тени
брата или сестры.
Сердце, обросшее плотью, пухом, пером, крылом,
бьющееся с частотою дрожи,
точно ножницами сечёт,
собственным движимое теплом,
осеннюю синеву, её же
увеличивая за счёт
еле видного глазу коричневого пятна,
точки, скользящей поверх вершины
ели; за счёт пустоты в лице
ребёнка, замершего у окна,
пары, вышедшей из машины,
женщины на крыльце.
Но восходящий поток его поднимает вверх
выше и выше. В подбрюшных перьях

щиплет холодом. Глядя вниз,
он видит, что горизонт померк,
он видит как бы тринадцать первых
штатов, он видит: из
труб поднимается дым. Но как раз число
труб подсказывает одинокой
птице, как поднялась она.
«Эк куда меня занесло!»
Он чувствует смешанную с тревогой
гордость. Перевернувшись на
крыло, он падает вниз. Но упругий слой
воздуха его возвращает в небо,
в бесцветную ледяную гладь.
В желтом зрачке возникает злой
блеск. То есть, помесь гнева
с ужасом. Он опять
низвергается. Но как стенка — мяч,
как падение грешника — снова в веру,
его выталкивает назад.
Его, который ещё горяч!
В чёрт-те что. Всё выше. В ионосферу.
В астрономически объективный ад
птиц, где отсутствует кислород,
где вместо проса — крупа далёких
звёзд. Что для двуногих высь,
то для пернатых наоборот.
Не мозжечком, но в мешочках лёгких
он догадывается: не спастись.
И тогда он кричит. Из согнутого, как крюк,
клюва, похожий на визг эриний,

вырывается и летит вовне
механический, нестерпимый звук,
звук стали, впившейся в алюминий;
механический, ибо не
предназначенный ни для чьих ушей:
людских, срывающейся с берёзы
белки, твякающей лисы,
маленьких полевых мышей;
так отливаться не могут слёзы
никому. Только псы
задирают морды. Пронзительный, резкий крик
страшней, кошмарнее ре-диеза
алмаза, режущего стекло,
пересекает небо. И мир на миг
как бы вздрагивает от пореза.
Ибо там, наверху, тепло
обжигает пространство, как здесь, внизу,
обжигает чёрной оградой руку
без перчатки. Мы, восклицая «вон,
там!» — видим вверху слезу
ястреба, плюс паутину, звуку
присущую, мелких волн,
разбегающихся по небосводу, где
нет эха, где пахнет апофеозом
звука, особенно в октябре.
И в кружеве этом, сродни звезде,
сверкая, скованная морозом,
инеем, в серебре,
опушившем перья, птица плывёт в зенит,

в ультрамарин. Мы видим в бинокль отсюда
перл, сверкающую деталь.

Мы слышим: что-то вверху звенит,
как разбивающаяся посуда,
как фамильный хрусталь,
чьи осколки, однако, не ранят, но
тают в ладони. И на мгновение
вновь различаешь кружки, глазки,
веер, радужное пятно,
многоточия, скобки, звенья,
колоски, волоски —
бывший привольный узор пера,
карту, ставшую горстью юрких
хлопьев, летящих на склон холма.

И, ловя их пальцами, детвора
выбегает на улицу в пёстрых куртках
и кричит по-английски: «Зима, зима!»

Приложение 2

Карточка. Вопросы для актуализации знаний (к этапу 2 урока)

1. Каковы основные принципы акмеизма? Назовите ключевых представителей.
2. Что такое «вещность» в акмеистической поэтике? Как это понятие связано с отношением к слову?
3. Что такое постсимволизм? Чем он отличается от символизма и акмеизма?
4. Как вы понимаете термин «метапоэтический образ»? Приведите примеры из изученных стихотворений.
5. Почему поэты Серебряного века и второй половины XX века часто обращаются к размышлениям о природе творчества?

Приложение 3

Ожидаемые формулировки цели урока (варианты учащихся)

- *«Понять, что означает образ птицы у Цветаевой, Мандельштама и Бродского»*
- *«Сравнить, как поэты говорят о поэзии через образ птицы»*
- *«Проследить, как меняется представление о роли поэта в XX веке»*
- *«Выявить, что общего и в чём различие в использовании образа птицы у трёх поэтов»*
- *«Узнать, что такое метапоэтический образ и как он работает на примере птицы»*

Приложение 4

Пакет материалов для групповой работы

Каждая группа получает:

1. Текст стихотворения своего поэта (см. Приложение 1):
 - Группа 1 — М. И. Цветаева «Имя твоё — птица в руке...»
 - Группа 2 — О. Э. Мандельштам «Ласточка»
 - Группа 3 — И. А. Бродский «Осенний крик ястреба» (фрагменты)
2. Лист с вопросами для анализа (Приложение 5)
3. Таблицу для заполнения (Приложение 7)
4. Чистый лист для записей и подготовки выступления.

Рекомендация по распределению ролей в группе:

- «Аналитик» — работает с метафорами и ключевыми образами
- «Цитатник» — выписывает ключевые строки из стихотворения
- «Спикер» — готовит устное выступление (3–4 минуты)
- «Оформитель» — заполняет итоговую таблицу

Приложение 5

Вопросы для анализа стихотворений (единые для всех групп)

1. *Какой образ птицы создаётся в стихотворении? (Какая птица? Что она делает? Каковы её ключевые характеристики?)*
2. *Какие детали, метафоры, звукопись создают этот образ? Приведите 2–3 примера с цитатами.*
3. *В каких строках поэт говорит о поэзии, о слове, о творчестве? Выпишите эти строки.*
4. *Как образ птицы связан с размышлениями о природе поэзии? Что этот образ говорит о поэте и его роли?*
5. *Какое настроение создаётся в стихотворении? С чем это настроение связано?*

Приложение 6

Ожидаемые ответы групп (примерные)

Группа 1 (Цветаева):

Параметр	Ответ
Какой образ птицы?	Имя — птица в руке. Птица хрупкая, живая, но удерживаемая.
Ключевые метафоры	«птица в руке», «льдинка на языке», «одно-единственное движение губ»
Связь с поэзией	Поэтическое имя — нечто реальное и одновременно ускользающее. Поэзия — мгновение, вспышка.
Настроение	Трепетное, восторженное, но с оттенком грусти

Группа 2 (Мандельштам):

Параметр	Ответ
Какой образ птицы?	Ласточка с срезанными крыльями, слепая, мёртвая и одновременно живая. Возвращается в «чертог теней».
Ключевые метафоры	«слепая ласточка», «крылья срезанные», «мёртвой ласточкой бросается к ногам», «Стигийская нежность»
Связь с поэзией	Слово забыто, его нужно вернуть. Ласточка — метафора слова, которое умирает в момент произнесения, но живёт в культурной памяти.
Настроение	Трагическое, элегическое, ощущение утраты

Группа 3 (Бродский):

Параметр	Ответ
Какой образ птицы?	Ястреб, одинокий, парящий над землёй, оторванный от мира. Его крик — механический, не предназначенный для чужих ушей.
Ключевые метафоры	«распластанный, одинок», «механический, нестерпимый звук», «звук стали, впившейся в алюминий», «не предназначенный ни для чьих ушей»
Связь с поэзией	Поэт-изгнанник, которого никто не слышит. Крик — поэтическое слово, произнесённое, но не услышанное.
Настроение	Холодное, отчуждённое, апокалиптическое

Приложение 7

Сводная таблица для заполнения (шаблон)

Учащиеся заполняют эту таблицу в ходе презентации групп.

Параметр анализа	М. И. Цветаева	О. Э. Мандельштам	И. А. Бродский
Какой образ птицы?			
Ключевые метафоры, детали			
Как образ связан с поэзией?			
Как образ связан с поэзией?			

Приложение 8

Схема синквейна

Синквейн — это пятистрочное стихотворение, которое пишется по следующим правилам:

Строка	Правило	Пример («Птица»)
1	Одно существительное (тема)	Птица
2	Два прилагательных (описание темы)	Парящая, ускользающая
3	Три глагола (действия темы)	Вдохновляет, исчезает, кричит
4	Фраза из 4 слов (отношение к теме)	Она говорит о поэзии больше
5	Одно слово-резюме (синоним темы)	Метафора

Задание обучающимся: составить синквейн на тему «Метапоэтический образ птицы» или «Образ птицы в поэзии (указать поэта по выбору)».

Приложение 9

Варианты домашнего задания (на выбор учащихся)

Вариант 1 (аналитический).

Напишите мини-сочинение-рассуждение на тему «Как образ птицы у (Цветаевой / Мандельштама / Бродского — по выбору) помогает понять представление поэта о сущности поэзии?» Объём: 150–200 слов.

Вариант 2 (сравнительный).

Заполните таблицу «Эволюция образа птицы в русской поэзии XX века» (Цветаева — Мандельштам — Бродский) с цитатами из стихотворений и краткими выводами по каждому этапу.

Вариант 3 (творческий).

Напишите небольшое стихотворение или эссе от имени птицы, которая «рассказывает» о поэте (например, «Я — ласточка Мандельштама...» или «Я — ястреб Бродского...»).

Приложение 10

Критерии оценивания работы на уроке

Критерий	1 балл (низкий уровень)	2 балла (средний уровень)	3 балла (высокий уровень)
Понимание метапоэтического образа	Понимание метапоэтического образа	Объясняет с помощью учителя или с опорой на конспект	Описывает семантику образа, приводит цитаты
Понимание метапоэтического образа	Понимание метапоэтического образа	Описывает семантику образа, приводит цитаты	Описывает семантику образа, приводит цитаты
Понимание метапоэтического образа	Понимание метапоэтического образа	Описывает семантику образа, приводит цитаты	Описывает семантику образа, приводит цитаты
Понимание метапоэтического образа	Понимание метапоэтического образа	Описывает семантику образа, приводит цитаты	Описывает семантику образа, приводит цитаты

Максимальный балл: 12.

Перевод в пятибалльную шкалу:

- 10–12 баллов — «5» (отлично)
- 7–9 баллов — «4» (хорошо)
- 4–6 баллов — «3» (удовлетворительно)
- менее 4 баллов — «2» (неудовлетворительно)

Приложение 11

Возможные затруднения и способы их преодоления

Затруднение	Способ преодоления
Непонимание термина «метапоэтический образ»	Учитель предлагает адаптированную формулировку: «образ, в котором поэт размышляет о своём ремесле, о том, что значит быть поэтом, о силе и хрупкости поэтического слова»
Трудности при работе со стихом Бродского (сложный синтаксис, необычные метафоры)	Группа 3 получает дополнительную опору — лист с выписанными ключевыми строками и кратким комментарием
Неумение распределить роли в группе	Учитель предлагает готовое распределение: «аналитик», «цитатник», «спикер», «оформитель»
Недостаток времени на уроке	При жёстком тайминге заполнение сводной таблицы можно перенести на этап презентации (группы презентуют устно, учитель фиксирует на доске)
Трудности с формулировкой вывода	Учитель задаёт наводящие вопросы (см. этап «Обобщение и выводы» в параграфе 3.3)
Низкая мотивация или пассивность отдельных учащихся	Включение элементов соревнования между группами, использование поощрительных баллов за активность

СПРАВКА

о результатах проверки текстового документа
на наличие заимствований

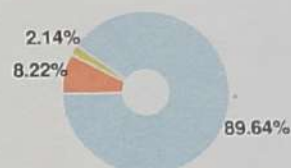
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
"КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. В.П.
АСТАФЬЕВА"

ПРОВЕРКА ВЫПОЛНЕНА В СИСТЕМЕ АНТИПЛАГИАТ.ВУЗ

Автор работы: Коротынская Екатерина
Самоцитирование
рассчитано для: Коротынская Екатерина
Название работы: Птица как метапоэтический образ: Цветаева - Мандельштам - Бродский (литературоведческий и методический аспекты)
Тип работы: Выпускная квалификационная работа
Подразделение: Филологический факультет КГПУ им. В.П. Астафьева

РЕЗУЛЬТАТЫ

СОВПАДЕНИЯ	8.22%
ОРИГИНАЛЬНОСТЬ	89.64%
ЦИТИРОВАНИЯ	2.14%
САМОЦИТИРОВАНИЯ	0%
ИИ-КОНТЕНТ	0%

ДАТА ПОСЛЕДНЕЙ ПРОВЕРКИ: 31.05.2026

Структура документа:

Модули поиска:

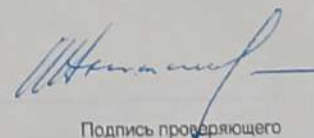
Проверенные разделы: основная часть с.5-45, титульный лист с.1, содержание с.2-3, приложение с.52-69, введение с.4-5, выводы с.45-49
Переводные заимствования по базе публикаций открытого доступа PubMed; Профессиональная лексика. Медицина; Перефразирования по Коллекции открытых публикаций международных издательств; PubMed; IEEE; Переводные заимствования; Переводные заимствования по коллекции Интернет в русском сегменте; Перефразированные заимствования по коллекции Интернет в русском сегменте; Перефразирования по базе публикаций открытого доступа PubMed; ИПС Адилет; Сводная коллекция научных работ Беларуси; Публикации РГБ; Профессиональная лексика. Юриспруденция; Цитирование; Перефразированные заимствования по коллекции Интернет в английском сегменте; Коллекция НБУ; Шаблонные фразы; Перефразирования по коллекции IEEE; Медицина; Сводная коллекция ЭБС; Профессиональная лексика. АПК и биоте...

Работу проверил: Анисимов Кирилл Владиславович

ФИО проверяющего

Дата подписи:

19.06.2025

Подпись проверяющего

Чтобы убедиться
в подлинности справки, используйте QR-код,
который содержит ссылку на отчет.

Ответ на вопрос, является ли обнаруженное заимствование
корректным, система оставляет на усмотрение проверяющего.
Предоставленная информация не подлежит использованию
в коммерческих целях.

ОТЗЫВ

научного руководителя д-ра филол. н., доцента
Анисимова Кирилла Владиславовича
на выпускную квалификационную работу
обучающегося филологического факультета
КГПУ им. В.П. Астафьева
Коротынской Екатерины Валерьевны
на тему «Птица как метапоэтический образ: Цветаева – Мандельштам – Бродский
(литературоведческий и методический аспекты)»
Кафедра мировой литературы и методики ее преподавания
Направление 44.03.01 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки)
Направленность / Программа
Филологическое образование

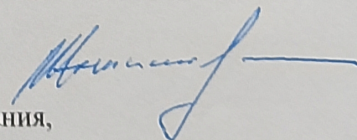
№	Параметры оценивания	высока	средняя	слабая	отсутствует
1.	Четкость, логичность структуры работы и изложения материала		✓		
2.	Знакомство с основными источниками по теме		✓		
3.	Способность к самостоятельному анализу, выводам и обобщениям			✓	
4.	Степень вхождения в проблематику, владение методологией исследования		✓		
5.	Достоверность результатов исследования		✓		
6.	Филологическая эрудированность и научный стиль изложения		✓		
7.	Количество и качество анализа языкового материала			✓	
8.	Глубина раскрытия темы			✓	
9.	Личный вклад в раскрытие темы			✓	
10.	Ответственность в отношении к работе		✓		

Задачей выпускника было дать системное представление об одном из аватаров поэтического труда – образе птицы. Корни сближения поэта с птицей весьма древние, а сама метафора одновременно и ожидаемая (ср. перо, певчую птицу и проч.), так и неожиданная – все-таки поэты не летают и не улетают на зиму, не гнездятся, в стаи не собираются. В метапоэтике постсимволистского времени эта ассоциация оказалась знаковой, проливающей свет на новое самосознание стихотворца. Работа далась Е.В. Коротынской непросто: в течение всего времени, отведенного на написание, студент сражался со своей тягой к сканированию сети и реферированию найденного. Как научный руководитель я увидел уже готовый продукт. Видимо, вследствие этой избранной стратегии написания мы видим в работе всё по большей части ссылки на работы исследователей, а не цитаты из них, а также совсем мало приводится, собственно, самих текстов стихотворений. В целом же представленная к защите выпускная квалификационная работа на тему «Птица как метапоэтический образ: Цветаева – Мандельштам – Бродский (литературоведческий и методический аспекты)» удовлетворяет требованиям, предъявляемым к выпускной квалификационной работе бакалавра, и заслуживает оценки «удовлетворительно».

Рекомендация научного руководителя

Рекомендую допустить ВКР к защите

Анисимов К.В.,
доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры мировой литературы и методики ее преподавания,
ФГБОУ ВО «Красноярский государственный педагогический
университет им. В.П. Астафьева»

9.06.2026 г.

Согласие
на размещение текста выпускной квалификационной работы
обучающегося

В ЭБС КГПУ им. В.П. Астафьева

Я, Коротынская Екатерина Валерьевна

(фамилия, имя, отчество)

Разрешаю КГПУ им. В.П. Астафьева безвозмездно воспроизводить и размещать (доводить до общего сведения) в полном объеме и по частям написанную мною в рамках выполнения основной образовательной профессиональной программы выпускную квалификационную работу обучающегося

на тему:

**«ПТИЦА КАК МЕТАПОЭТИЧЕСКИЙ ОБРАЗ: ЦВЕТАЕВА –
МАНДЕЛЬШТАМ – БРОДСКИЙ (ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ И
МЕТОДИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ)»**

(название работы)

(далее ВКР) в сети Интернет в ЭБС КГПУ им. В.П. Астафьева, расположенной по адресу <http://elib.kspu.ru>, таким образом, чтобы любое лицо могло получить доступ к ВКР из любого места и в любое время по собственному выбору, в течение всего срока действия исключительного права на ВКР.

Я подтверждаю, что ВКР написана мною лично, в соответствии с правилами академической этики и не нарушает прав иных лиц.

05 июня 2026 г.

(дата)

(подпись)